

АДЕРИН БРАН

**ПОЗЫВНОЙ
ШАТУН**

АГЕНТСТВО "ЦЕРБЕР"

18+

Цербер

Адерин Бран
Позывной Шатун

«Автор»

2026

Бран А.

Позывной Шатун / А. Бран — «Автор», 2026 — (Цербер)

Его зовут Шатун — так его называют братья, так он называет себя внутри. Он смеётся, но глаза его помнят много боли, а руки привыкли к оружию. Ветеран - это не только статус, но и шрам на душе. Незаживающая рана, что не даёт дышать. У Марго есть выбор: промолчать и сохранить жизнь или обнародовать мерзкую правду о масштабной афере в её компании и стать мишенью. Она не могла поступить иначе, выбрала честность и потеряла всё. Теперь единственный шанс выжить - довериться человеку, которого она едва знает. Снова довериться без оглядки, полностью. Максиму предстоит защищать Марго даже ценой своей жизни. Будет ли он делать это лишь по долгу службы или по велению сердца? А Марго? Сможет ли она научиться верить там, где раньше видела только предательство?

Содержание

Глава 1. Тишина	5
Глава 2. Проваленная сделка	11
Глава 3. Совецание	17
Глава 4. Воспоминания	23
Глава 5. Подозрения	29
Глава 6. На пределе	34
Глава 7. Слежка	40
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Адерин Бран Позывной Шатун

Глава 1. Тишина

Вечер опускался на землю по-летнему неторопливо, будто не желая прогонять последние лучи солнца. Небо, ещё недавно ярко-голубое, теперь наливалось глубокими сиреневыми и пурпурными тонами, а у горизонта теплились остатки заката – розовые, оранжевые, с вкраплениями золотистой дымки.

Максим, чуть прихрамывая, вышел из бани в одном старом полотенце на бёдрах, потянулся, пробуждая разморённое жаром могучее тело, и полной грудью вдохнул, впитывая родные запахи. Воздух был густым от ароматов: свежескошенной травы, влажной земли после дневного полива, уютного дыма из печной трубы, где мама томила что-то на ужин. У соседей, распространяя одуряющий сладкий флёр, цвёл огромный куст жасмина.

Где-то вдалеке тарахтел двигателем тягач баржи –звук долетал сюда, смягчённый расстоянием, будто шёпот усталого путника. Чуть выше по течению реку перегораживал трос паромной переправы, и днём тягачи заранее издавали пронзительное «у-у-а-а-а-а», предупреждая людей о своём приближении и давая им время опустить трос на дно. Этот звук ассоциировался у Максима с домом. На ночь трос, конечно же, опускали, и сейчас баржа прошла по реке тихо, разве что наполнила воздух этим деловитым «бук-бук-бук».

За низеньким, вам по пояс, забором, годным для защиты разве что от охотчих до коры плодовых деревьев зайцев, в заросшем высокой травой пруду хором распевали лягушки. Макс выкопал его сам, чтобы хоть как-то осушить болотистый участок маме под бульбу. Лягушачье кваканье звучало не хаотично, а почти музыкально: то басовито и размеренно, будто старый дед выводил долгую ноту, то звонко и торопливо, как у детворы, затеявшей игру. Иногда к ним присоединялся одинокий сверчок, вплетая в эту сельскую симфонию свою тонкую скрипичную строчку.

– Вот раскричались, – едва слышно пробормотал Макс себе под нос. – К дождю, наверное.

Он запрокинул голову и, резким движением откинув чёлку со лба, уставился в чистое небо. Тишина. Здесь было так тихо, что Максим слышал собственное дыхание. Это было так странно, непривычно. Максим вбирал это ощущение, как губка. Это было, словно глоток прохладной воды в жару.

Максим облокотился о стену бани, наслаждаясь ощущением вечернего прохладного ветра, гуляющего по влажной коже. Комары, жужжащие в воздухе, ещё не учуяли чистое тело, охлаждённое кадкой ледяной воды, и стоять на улице было даже приятно. Макс чуть прищурился от удовольствия и окинул взглядом окрестности.

Над осушённым болотом, что раскинулось за огородом, поднимался лёгкий туман. Он клубился, стелился над осокой, цеплялся за кусты, превращая знакомые очертания в призрачные силуэты. В этом тумане то и дело мелькали искры – светлячки зажигали свои крошечные фонарики, устраивая бесшумный танец в сумерках.

Огород на десяти сотках, заботливо ухоженный, готовился ко сну. Картофельная ботва слегка поникла, помидоры налились тёмно-зелёным, завязи огурцов сверкали каплями воды. По тропинке между грядками пробежала мышь-полёвка, торопливо скрывшись в бурьяне. Максим проводил её с грустным смешком: там, в бурьяне, жил здоровенный старый белоухий уж. Впрочем может быть, он сыт, пригрелся и спит.

У задней калитки рос старый дуб. Ветер, совсем не похожий на городской – мягкий, травянистый, с нотками мяты и чабреца – играл с его листьями, заставляя их шуршать, будто кто-то перелистывал страницы старой книги.

В домах уже горел свет, фонарей в дачном кооперативе не было, и светящиеся жёлтым светом окна выглядели звёздами, зависшими у самой земли в быстро темнеющем воздухе. Где-то беззлобно, для профилактики гавкнула собака, донёсся детский смех, кто-то из соседей переговаривался так тихо, что невозможно было разобрать слов. Идиллическая картина. Макс прикрыл глаза.

БАХ!

Тело Максима среагировало инстинктивно. Руки взлетели вверх, прикрывая голову, его большое тело скрутилось, стремясь стать меньше, каждый нерв напрягся до предела. Макс приоткрыл рот, чтобы не контузило.

Призрачный коричневый песчаный столб, взметнувшийся в жёлтое нездешнее небо, заслонил его зрение. Запах пустынного песка ударил в нос, заполнил пазухи, аравийская жара пахнула в лицо, в ушах раздались выкрики на гортанном, непонятном, но таком привычном языке. На плечи привычно надавил бронежилет. «Тах-тах-тах», застрекотали в ушах автоматные очереди, вокруг метался на ветру полог грязно-жёлтой палатки, кто-то хватал его за руки, орал что-то в ухо.

Бах...

Звук повторился, но гораздо тише, за ним раздался скрип. На этот раз Макс его узнал. Дверь. Просто хлопнула дверь. Он в дачном кооперативе под Пинском на юге Беларуси, а не... Спокойно, Макс, спокойно, мы дома. Дома. Макс с облегчением выдохнул, с трудом отпуская напряжение.

Картинка менялась неохотно. Ясный жгучий иссушенный солнцем день никак не хотел уходить, уступая место прохладному вечеру, полному лягушек. Лягушки... Там, далеко, никаких лягушек не было. Там были только змеи. Максим уцепился за этот звук, выдёргивая себя из воспоминаний. Они отпускали его неохотно, будто мерзкая липкая жижа. Он заставил себя открыть глаза, чувствуя, как по виску стекает капля пота. В щёку тут же впился злой болотный комар.

Сосед, хлопнувший дверью, дядя Ваня, сухонький старичок, вышел на крыльцо в выцветших трусах-смейниках, драной майке и резиновых сапогах размеров на семь больше, чем нужно. Его тощие ноги болтались в них, как спички. Он довольно крикнул и, чиркнув зажигалкой, закурил вонючую беломорину.

Макс со вздохом облегчения закрыл лицо руками и с силой потёр его. Он очень надеялся, что старик не заметил, как он тут раскорячился. Высокие заборы в этих местах были не приняты, соседи друг о друге знали почти всё.

– Вечер добрый, Максик. Ну, как пар? До костей пробрал? – донёсся до него старческий дрожащий голос.

– До самых печёнок, – усмехнулся Макс, встряхивая головой, чтобы отогнать отголоски наваждения.

– Надолго погостить?

– Да нет, завтра уже обратно, – уже более уверенно ответил Максим и прочистил горло.

– В Москву? – зачем-то спросил дядя Ваня.

– Угу, – отозвался Максим и снова устремил взгляд вдаль.

– Лягушки сегодня поют, – заметил старик задумчиво и, не прощаясь, вразвалку пошёл к будке деревенского сортира, стоявшей на противоположном от дома конце участка.

Максим проводил его взглядом. Ночь уже близко, но пока что ещё было время просто постоять, послушать, вдыхать и чувствовать, как напряжение отпускает, а на смену ему приходит тихое, глубокое умиротворение. Именно то, зачем он приезжал в это место. Дом...

– Ма-а-акс! – слышалось от дома.

В дверь веранды, служившей заодно летней кухней и складом обуви, высунулась мать и махнула ему белым полотенцем.

– Хватит комаров кормиць! Идзи сюда!

Максим расплылся в широкой улыбке: его мать говорила по-русски с заметным акцентом, щедро посыпая свою речь белорусскими, полесскими и польскими словами. Максим сам невольно «ловил» этот акцент и потом долго веселил им сослуживцев, пока он не отлипал снова, уступая давно усвоенному русскому. Он оттолкнулся от стены и, едва заметно припадая на правую ногу, пошёл к дому босиком, наслаждаясь ощущением щекочущих ступни холодных травинок.

Максим автоматически пригнулся, проходя в дверь. Он был ростом ровно с дверной проём, и стоило ему неудачно встать на носок, оторвав пятку от пола, как макушка его прилетала точно в притолоку. Казалось, на всех дверных коробках в доме были вмятины от его головы. Это Макса так бесило, что он просто сделал в московской квартире двери высотой два пятнадцать. Ещё не хватало окопным шагом по собственному жилищу ходить!

Мама его была не в пример ему невысокой. Ну, по сравнению с ним. К тому же она была довольно subtilной, так что Макс иногда удивлялся, как она могла породить такого бугая, как он. Даже отец его не был таким крупным, хотя, конечно, всё же больше походил на Максима габаритами.

Сегодня их в домике было только двое, сестра недавно окончательно перебралась в Минск и теперь бывала дома гораздо реже. Отучилась, на работу устроилась. Писала и брату, и матери каждый день, хвасталась по-доброму. Макс был рад за неё.

Носа его коснулся божественный аромат – пахло холодником. Рот его мгновенно наполнился слюной. Мама умела готовить холодник – никакого кефира! Только холодная вода, уксус, соль и ложка густой деревенской сметаны. Холодный летний суп насыщенного бордово-фиолетового цвета был просто создан для молодой бульбы, сваренной в чугушке и сдобренной маслом и укропом. Мама предусмотрительно отложила себе немного, а к Максиму пододвинула почти полные бадьи, не распыляясь с мелкой посудой. Да, с его размерами лопал он всегда много, даже когда был тощим подростком. А теперь и подавно.

– Ты садзись, садзись! Чай будзешь? – с улыбкой спрашивала мама, подпихивая Максима к столу.

– Дай хоть трусы надену! – хохотнул Макс.

– А тебе нащо? Хай так будзе! Проветри! Авось зайдёт кто, хучь поглядзит! – тут же хихикнула мать.

– Кто? Дядя Ваня? На что ему смотреть? – отшутился Максим.

– А було б, шо показать, так мы посмотрим! – невозмутимо парировала мама.

– Ой мамо, шо Вы там не бачыли? – с нарочитым акцентом ответил Максим.

Сказал Максим и всё-таки прошёл в комнату, чтобы скинуть полотенце и переодеться в вытертый старый спортивный костюм. Дверь комнаты издала пронзительный противный писк, как только Макс тронул ручку. Он поморщился. Этот звук был совершенно неизменным вот уже в течение тридцати лет, как минимум.

– А ты и не мне показывай! – крикнула мама ему в спину.

– Ну мне ещё не рассказывали, кому что показывать! – буркнул Макс беззлобно.

– Слушай маму! – наставительно сказали ему.

В кухоньке уютно звякали ложки и вилки. Скрипнула заслонка печи, стукнуло полешко, одно из тех, которые Макс нарубил сегодня месяца на три впрок. Ночи были ещё немного прохладными, и мать по вечерам ещё готовила на печке. Скоро потеплеет, и она совсем переберётся на стоящую на веранде газовую плиту, рядом с которой стоял красный газовый баллон.

– Слушаю, слушаю, – уверил её Макс.

Максим сел за стол и набросился на угощение, как голодный зверь. Баня разбередила его и без того не слабый аппетит.

– Во сколько завтра отчаливаешь? – спросила мама, тщательно скрывая лёгкую грусть в голосе.

– Утром, – невнятно отозвался Макс с набитым ртом, – не хочется солнце в зеркалах ловить, проще пораньше.

– Так спешишь. Правда что ли, кто-то появился? – мама прищурилась и посмотрела на него смешливо.

Но от Максима не укрылось, с какой надеждой она это спросила.

– С чего ты взяла? Нет. Работа просто, – ответил Макс, не поднимая глаз.

– Ой работа твоя! – фыркнула мама и махнула на него рукой.

– Да нормальная работа, – беззаботно ответил Максим.

– Тоже мне! С пистолетом своим ходишь...

– Мам, всего лишь пистолет, и тот больше декоративный... – мягко ответил Макс.

Мама поджала губы и уткнулась в свою тарелку. Макс мог поклясться – им обоим вспомнились те дни, когда он возвращался к ней с целым арсеналом за спиной, воняющий порохом, застарелым потом и кровью. Измученный, с пустыми глазами, с сединой в волосах. Когда ей прислали весточку, что сын валяется в госпитале и, скорее всего, будет комиссован по ранению, она даже обрадовалась.

Последние годы Макс учился не просыпаться от кошмаров, не вспоминать, не смотреть на всё через призму закона военного времени. Не вздрагивать от резких звуков. Дядя Ваня только что показал ему, что ни черта у него не получилось.

Как был солдатом, так и остался. Война не остаётся на поле боя, от неё невозможно уехать. Она застревает в сознании, впитывается в кости, продолжает орать в ушах. Не отпускает ни на минуту. Никого. Никогда.

И Максима не отпустила. Он уже не знал, какой мир более настоящий, тот, военный, или этот. Болтался между ними, неприкаянный, то ли здесь, то ли там. Оттуда выгнали, а здесь, вроде как, и не нужен никому.

Мама всё мечтала, что сын обзаведётся сердечной подругой и остепенится, оживёт. Куда там... Окопные шлюхи казались теперь Максиму более честными, чем девочки с гражданки. Эти смотрят, а в глазах будто калькулятор подсчитывает стоимость его машины и конуры. Да и от физиономии его бабы шарахались, он и так красавцем не был, а ещё башкой приложило, шрам остался. Макс никак не мог завести нормальные отношения, да и не очень этого хотел.

Вернулся из ада в тепло и безопасность и будто умер. Встрепенулся немного, разве что когда боевой товарищ, Костя, в переплёт попал, и они всей старой гвардией похватались за стволы и броники, чтобы его вытащить. Вляпались знатно, чуть под суд не пошли, но им задним числом выправили ксивы и все бумажки частного охранного агентства. Так родился «Цербер». После такси и охраны в магазинах Максиму нравилось невероятно. Тоже тягомотина, но всё же повеселее. «Цербер» стал его новой войной – без выстрелов, но временами с тем же напряжением. Зато здесь он знал правила игры.

Он вздрогнул от лёгкого касания к руке и едва не вскочил, но вовремя удержал себя. Мама мягко положила крохотную ладошку на его лапу и смотрела на него всё понимающим взглядом. И от этого взгляда Максиму было и тепло, и больно. Невыносимо.

– Мы там недавно охраняли одного шейха, ты б видела, как меня нарядили! Только что бубенцов не навесили! – попытался Макс разбить повисшую неловкую паузу.

– Штатных бубенцов мало что ли? – буркнула мама, подхватывая его тон.

– Не звенят-с, – развёл руками Макс.

– А ты охранять или музицировать там должен был? – усмехнулась женщина и улыбнулась одной стороной губ.

– Хорошо, плясать не заставили! – покачал головой Макс.
– Не замечала в тебе творческих порывов...
– При моём полном отсутствии талантов это ко всеобщему счастью, – веско сказал Максим.

– Ну ты уж совсем-то не прибедняйся! – пожурела мама.
– Ты меня переоцениваешь.
– Я твоя мама! У меня работа такая! – мама назидательно подняла палец.

Мама смотрела на него, подперев щеку. Свою порцию она давно прикончила и теперь с лёгкой улыбкой смотрела, как Макс перемалывает свою. Ей нравилось его кормить.

– Таня машину купила? – спросил Макс, чтобы поддержать разговор.
– Да, купила, гоняет теперь по Минску, – вздохнула мама.
– А что за машина?
– Ой, а я в них ничего не понимаю! Синенькая, – отмахнулась мама.
– Вроде всё хорошо у неё? – чуть тише спросил Макс.

Они оба знали, что означает этот вопрос. Не надо ли кому голову оторвать, чтобы помочь сестрёнке.

– Да, не жалуется... – успокоила его мама. – Но всё равно шумный этот Минск... Не понимаю, как можно там жить!

– Это ещё в Москве не была, – хохотнул Максим.
– Ой, и не собираюсь я в твою Москву – что я там не видела?
– Да ничего не видела.
– Да я и не хочу, – отрезала мама. – Лучше ты почаще сюда приезжай – тишину слушать.

Максим лежал на кровати, отчаянно скрипевшей под его немалым весом. Пятки упирались в край – он никак не мог привыкнуть к этому в доме матери. Надо будет притащить сюда кровать побольше... Впрочем бесполезно всё это. Мама ни за что не разрешит выкинуть старую и скорее попросит его затащить её на чердак. Для кого, спрашивается? Для мышей?

В открытое окно просачивался чудесный запах жасмина и ночных цветов. Едва слышно звенели за сеткой комары, шелестели на лёгком ветерке листья растущей у забора вишни. Комковатая старая подушка привычно давила в затылок, а провисший матрас – в бок. И всё равно Максиму было хорошо.

Впрочем, о предстоящем возвращении в шумную, суетную Москву он тоже не жалел. Ему нравилось это – кочевать из одной жизни в другую: из тишины – в бешеный ритм, из войны – в мир. Он засыпал дома с улыбкой на губах, чтобы проснуться и с той же улыбкой рвануть вдаль.

Утром, согнувшись чуть не вдвое, Максим чмокнул на прощание мать, с удовольствием забрав у неё мешок вкусностей, который она ему приготовила. Отбиваться было бесполезно, да и Макс не хотел. Приятно, чёрт возьми! Здорово было стартовать из Москвы сюда – и с таким же воодушевлением стартовать отсюда в Москву.

Он завёл машину, и она огласила сонные окрестности жёстким «врррруммм», разбивая тивканье птичек. Привычный запах автомобильного салона, бензина и оружейной смазки заполнил нос Максима, заслоняя жасминовый дух. Всё. Пора возвращаться.

Деревенские мужики уважительно посматривали на него и даже не брались за колотушки, которыми полагалось тянуть трос, чтобы сдвинуть паром с места. Максим аккуратно загнал машину на паром, бросил сумку на скамью, взялся за деревянную колотушку, набрасывая её на трос, и с привычной сноровкой потянул себя к другому берегу.

Паром мягко отплыл от припаромка, никто даже не почувствовал начала пути. Так оно обычно и бывает. Река лениво потекла под днищем. Макс посмотрел вниз, на отражение неба в воде. «Вот здесь я – ни там, ни тут. А где же тогда?» – мелькнула мысль.

Люди на пароме переговаривались тихо, будто боялись разбить утреннюю тишину, и Максиму казалось, будто они очень далеко. Будто он один на этой железке посреди реки. Спо-

койная вода отражала небо, и ему привиделось, будто небо повсюду: над головой, под ногами, вокруг. Он будто завис между, посреди, то ли двигаясь, то ли стоя на месте. Чиркнуть бы этот трос, чтобы унесло этот паром вместе с Максимом. Интересно, куда его прибьёт? И прибьёт ли вообще? «Плюх-плюх», водная рябь с шёпотом оглаживала железный борт, и больше в мире не было ничего.

Но схлынуло. Паромщик заворчал, когда Максим разогнал посудину слишком сильно, и Макс очнулся. Он тряхнул головой и крепче сжал колотушку. Пора была двигаться вперёд. Он придержал паром колотушкой, и железяка мягко ткнулась в деревянный помост припаромка. Максим завёл машину и махнул на прощание паромщику. Эх, сопьётся мужик к следующему году...

Потом Макс забрался на своём тарантасе на взгорок высокого левого берега, окинул взглядом ещё дремлющий, залитый рассветным светом дачный кооператив, улыбнулся себе под нос и почесал заросший бородой подбородок. Больше не оглядываясь, он двинулся вперёд – навстречу новому дню и новой главе своей жизни, где жасмином и холодником уже не пахнет.

Через шесть часов пути по закатанной в асфальт дороге он сунул свой паспорт в окно, подавая его пограничнику.

– Максим Львович Веракса?

– Так точно!

Пограничник поднял глаза и цепко оглядел лицо Максима. Макс знал, что он там видит – раннюю седину, шрам на черепе. Пограничник вдруг улыбнулся одними глазами и вскинул руку в воинском приветствии.

– Добро пожаловать в Российскую Федерацию!

Глава 2. Проваленная сделка

Ах, как хорошо! Марго захлопнула дверь, со стуком уронила сумку на пол и вдохнула полной грудью. Пахло краской, мокрой побелкой и свежераспиленным деревом. Запах начала! Она наконец-то переехала. Сегодня дизайнер передал ей комплект ключей, и вот она здесь, в своей новой квартире. Свершилось.

Деликатно клакнул выключатель, тот самый, эргономичный, с крохотной светодиодной лампочкой для поиска в темноте. Марго о таком давно мечтала. Загорелся тёплый свет: они с дизайнером долго подбирали нужную цветовую температуру.

Всё было таким... чистым. У стены выстроилась ровная крепостная стена из коробок с её вещами. Стены и пол без единого пятна. Картины висели в строго выверенном порядке, а сушёные цветочки в высокой напольной вазе стояли так аккуратно, будто их расставлял японский дипломированный флорист. Может, так оно и было.

Чистый лист, никакой истории. Никакого наслоения старых запахов, никаких посторонних шумов. Она провела рукой по стене – ни одной неровности, никаких следов прошлых жителей. Она будет первой, чьё присутствие оставит здесь след. Она – начало истории, первая страница. Она это сделала.

Моё! Только моё!

Она сделала пару шагов вперёд, прислушиваясь к стуку своих каблучков. «Цок-цок-цок» отдавалось эхом в пустых стенах. Марго сняла обувь и с наслаждением опустила босые ноги на прохладный паркет.

Кухня выглядела так, будто её сняли для обложки журнала: белоснежные фасады, гладкая столешница, минималистичные тарелки на сервированном на две персоны столе. «Это лишнее», – подумала Марго. Хватит и одного прибора. В спальне стояла идеально заправленная большая кровать и пустой закуток, отданный под гардеробную. Всё такое умиротворяюще необжитое и нетронутое.

Впрочем, небольшой штрих стоит внести. Она вернулась в прихожую, выудила из сумки небольшой свёрток и пошла обратно в спальню. Чуть нервным движением она расправила ткань, и на консоль под телевизором легла клетчатая арафатка. Марго возила её с собой куда угодно и всегда держала на видном месте. Чтобы не забывать.

Теперь спальня выглядела более законченной.

Марго замерла у прикрытого лёгким тюлем окна и посмотрела на город. Прямо под её окнами раскинулся сквер, высотных зданий не было, шум дороги до тринадцатого этажа не добирался. Идеально. Всё, чёрт побери, идеально. Марго чуть усмехнулась, отодвинула тюль и приложила растопыренную пятерню к отмытому до кристальной прозрачности окну. На стекле остался чёткий отпечаток. Я здесь! Здесь – я!

Трогая пальцами то комод, то стены, Марго вернулась в кухню и с сомнением посмотрела на сервированный стол. Может, отпраздновать? Готовить совершенно не хотелось, а вот заказать что-нибудь...

Марго открыла приложение доставки и быстро выбрала свои любимые блюда. Приложение осведомилось, привезти заказ как можно скорее или к точному времени. Марго бросила короткий взгляд в прихожую, где висело ростовое зеркало, его по её просьбе повесили ниже, чтобы было удобнее смотреться, а потом глянула на часы. Всего восемь. У неё ещё уйма времени до сна, а тратить время впустую она не привыкла.

К тому же пояс штанов в последние дни врезался в талию сильнее обычного. Если уж она собралась устроить себе срыв диеты, то стоило хотя бы для очистки совести попытаться отработать лишние калории в спортзале. К тому же спорт всегда помогал ей собраться с мыс-

лями. Коробки она может разобрать и позже. Марго вздохнула с досадой и нажала «к точному времени» и указала десять вечера.

Марго прошла в прихожую и приблизилась к зеркалу. Она была невысокой и склонной к полноте, так что борьба с лишним весом продолжалась всю её жизнь, с тех самых пор, как ей стало на этот вес не наплевать. И пусть борьба эта велась с переменным успехом, а худой Марго не была вообще никогда, она всё же считала себя красивой: аппетитные формы, правильные черты лица и буйная чёрная волнистая шевелюра – всё это не оставляло мужчин равнодушными.

Но это совсем не значило, что режим и спорт ей совсем не нужны! Марго взяла со стопки коробок свою спортивную сумку и проверила по карте расположение ближайшего спортзала. Нужно разведать, что там есть.

Марго дошла до спортзала пешком всего за пятнадцать минут, что её очень порадовало. Тёплый летний вечер располагал к прогулкам, и она насладилась этим временем. Нечасто она позволяла себе вот так просто прогуляться по улице. Работа, дисциплина, звонки, задачи – всё это занимало большую часть её времени, поэтому она так ценила минуты, когда у неё получалось оторваться от дел.

Спортзал приятно удивил её: никакого пафоса, просто место, где можно приятно и с пользой провести время. Судя по тому, что Марго видела через панорамные окна, занимались там не фитоняшки с мачо, а совершенно обычные, разные люди. Пожалуй, стоит приобрести абонемент.

Она прошла в холл и увидела стойку администратора, за которой крутилась молодая девушка. Марго направилась к ней и спросила:

– Здравствуйте! Сориентируйте меня, пожалуйста, по абонементам. Какие они у вас бывают?

– О! У нас очень широкий спектр услуг и развлечений! – заученно затарахтела девушка, лучась радушием.

Из зала вышел огромный потный бугай со шрамом на лбу, приблизился к стойке и равнодушно посмотрел на Марго с высоты собственного роста. Она невольно поёжилась. Мужчина был так велик, что ей показалось, будто она едва достаёт ему до пояса.

Как только мужчина остановился, раздался тихий щелчок, будто что-то порвалось, и его свободные спортивные брюки вдруг свалились с него на пол, обнажая чуть поношенные чёрные боксеры, внушительный аргумент в них и бугрящиеся мышцами ноги, покрытые заметным русым пушком. Бугай совсем не брутально ойкнул, резко наклонился подхватить штаны и хряснулся лбом о стойку, после чего схватился уже за лоб и сел на задницу.

– С развлечениями у вас и правда всё в порядке... – протянула Марго, глядя на него выпученными глазами.

– Макс, ты чего? – испуганно пролепетала девушка, стараясь разглядеть мужчину через стойку.

Ей конфуз со штанами виден не был, и с её точки зрения этот Макс просто подошёл к ней с каменным лицом и атаковал лбом безвинный предмет мебели. Невольно начнёшь беспокоиться, если вдруг физически сильные люди так нелогично себя ведут рядом с тобой.

А Марго забеспокоилась по-настоящему. Здоровенный мужик так осрамился перед дамами, одна из которых не преминула это заметить и высмеять. Как бы не озлился и не сорвал на них гнев. Но мужчина не спешил вскакивать, он странно тряся, от него донеслось странное хрюканье. Он что, нос себе разбил? Ничего видно не было, мужчина закрывал лицо руками, и Марго присела, дотрагиваясь до его запястий в попытке отнять его ладони от лица.

– С Вами всё в порядке? – спросила она немного опасливо.

Макс позволил ей оторвать свои руки от лица, и Марго с облегчением выдохнула. Мужчина не умирал, он просто давился смехом. Он вдохнул поглубже и громогласно расхохотался густым басом, откидываясь на пол. Марго невольно хмыкнула.

Веселье преобразило этого мордоворота и сделало его почти симпатичным. Марго поймала себя на том, что беглым взглядом окинула его с чисто женским интересом. Большой, здоровый и, скорее всего, волосатый, судя по ногам. Майка пропитана потом насквозь, тело горячее от нагрузки. Лицо скорее неотталкивающее, чем привлекательное, тёмно-русые неопрятно растрёпанные волосы, щетина, старый бугристый шрам, перечёркивающий лоб и убегающий в шевелюру. Медведь медведем.

– Хо... а-ха-ха... хорошо, хоть трусы держатся, – едва выдавил из себя бугай.

А хорошо ли? И трусы-то совсем не пустые. Тфу ты, Нестерова! Не туда смотришь!

Марго усилием воли заставила себя перевести взгляд на лицо мужчины и дёрнулась. Он поймал её за разглядыванием! Он заметил и теперь смотрел на неё с чисто мужским самодовольством.

– Жить будете, – чуть раздражённо бросила Марго и поднялась. – Абонемент я, пожалуй, возьму.

С пола снова раздался хохот.

– Юль, где мой откат? Я вам клиента поймал!

– Угу... На живца, – пробормотала Марго.

Макс подниматься не спешил, ну хоть штаны натянул, и на том спасибо. Девушка споро начала что-то тыкать на кассе, когда Марго указала ей нужный абонемент в списке.

– Макс, ты чего хотел-то? – спросила она, не отрывая взгляд от экрана.

– Водички, – ответил бугай, вставая. – Бутылку свою расквасил по дороге.

Девушка протянула терминал Марго и другой рукой выставила на стойку бутылку воды.

– Расплачусь на выходе, – сказал бугай, подхватил бутылку и удалился обратно в зал.

Марго постаралась выкинуть его из головы, выпросила у девушки, где находится раздевалка и душ, и пошла заниматься. В зале успокаивающе пахло потом и носками, звенело железо. Какой-то красавчик изучал собственную мускулатуру в зеркале, Марго тоже её поизучала, не впечатлилась и пошла дальше.

Спорт, как обычно, разогнал дурное настроение и вернул на лицо Марго лёгкую улыбку. Правда, сегодня она рисковала заработать косоглазие – Макс маячил на периферии её зрения, и она никак не могла перестать следить за ним краем глаза. Ну конечно же, только потому что он тягал такие веса, какие в этом зале не снились никому. А не потому, что у неё перед глазами до сих пор стояли его трусы. Точно!

Марго занималась с удовольствием. Ощущение работающих мышц, предвкушение крепатуры, ровное гудение беговой дорожки, звяканье железа за её спиной – всё это успокаивало.

– Вам помочь? – послышался голос за её спиной.

Марго от неожиданности едва не сбилась с шага на беговой дорожке. Она в этой части зала была одна, и обращались явно именно к ней. Чем ей можно помочь на беговой дорожке, интересно знать?

Марго прыгнула на края дорожки и обернулась. Рядом с ней стоял худощавый, довольно симпатичный парень лет тридцати. Он смотрел на неё, слегка запрокинув голову, отчего создавалось впечатление, будто он снизошёл до разговора с ней. Выражение его лица показалось ей чуть брезгливым, или ей померещилось?

– Мне? Нет, спасибо, – ответила она и вознамерилась вернуться к прерванной тренировке.

– А мне не поможешь? – спросил парень.

Вот прицепился! Да ещё и на «ты»...

– Чем?

– Ты свободна сегодня вечером?

Марго хлопнула глазами и на всякий случай переспросила:

– Что?..

– Я хочу к тебе в гости. Тебе понравится, – с тем же выражением лица сказал парень. – Могу угостить тебя ужином, если хочешь.

Марго секунду глядела на него, а потом уточнила:

– А это нормально, подходить к незнакомым девушкам и предлагать секс за еду?

– К женщинам, – чуть снисходительно поправил парень с едва заметной усмешкой. – Думаю, да. Секс всегда был сделкой. Те, кто не признаёт этого, просто дураки.

Марго взорвалась мгновенно.

– Ах сделка? – обманчиво лёгким тоном протянула она. – А Вы, стало быть, холодными звонками тут занимаетесь. Ну если сделка, то давайте её обсудим.

Давно знакомые с ней люди давно бы напряглись, заслышав этот спокойный ровный тон. На лице парня появилась самодовольная усмешка, но Марго не дала ему насладиться триумфом. Её пронзила ярость узнавания. Та самая, которая вздымается в нас, когда мы сталкиваемся с тем, что причиняло нам боль раньше. Она физически ощутила, как у неё от бешенства дёрнулась губа. Привычные слова полились из неё потоком, едва протискиваясь сквозь сжатые зубы.

– Строго говоря, Вы предлагаете мне сексуальные услуги. Боюсь Вас разочаровать, но Ваше предложение не является уникальным на рынке. И это при довольно высокой цене в виде возможности оказаться в морге, травмопункте, кожнодиспансере или роддоме, которую Вы хотите компенсировать купленной мне тарелкой супа, – Марго повернулась к мужчине и непримиримо сплела руки на груди. Несколько ребят поблизости перестали махать гантелями и наострили уши. – Поскольку восторженных отзывов о Ваших услугах Вы по этическим причинам предоставить не можете, то качество их видится мне весьма ненадёжным, а риски заключения договора я оцениваю как крайне высокие, поэтому продолжение обсуждения данного вопроса считаю нецелесообразным. Ещё в качестве жеста доброй воли замечу, что Вы выбрали неверную стратегию: искать женщину, готовую спать с первым встречным за тарелку пельменей надо искать в бомжатнике, а не в платном спортзале, где еду себе может позволить каждый. Прошу более не инициировать повторных обращений по данному вопросу.

Кто-то за спиной Марго хрюкнул, послышалось женское хихиканье и даже скупые аплодисменты.

Лицо парня вытянулось, было явно видно, что обрабатывал информацию он немного медленнее, чем Марго её выдавала, и конец фразы всё ещё расшифровывается в его мозгу. Удобно для таких конфликтов дёргать набившие оскомину фразы, которые годами проговариваешь на переговорах. Марго фыркнула и отвернулась. А рядом раздался уже знакомый раскатыстый смех.

Макс каким-то чудом оказался на соседней скамейке с гантелями, хотя Марго была уверена, что три минуты назад он делал жим ногами на другом конце зала. Он сидел, перекинув полотенце через загривок, и внимательно смотрел на разворачивающуюся перед ним сцену. На его лбу и волосах висели капли пота. Побежал её спасать? Было бы забавно.

Парень начал было надуваться, как рассерженный индюк, но Макс, не прекращая смеяться, наклонился вперёд, опираясь локтями о внушительные бёдра, и посмотрел на него таким взглядом, что парня сдуло в сторону выхода. Марго проследила за ним неприязненным взглядом.

Впрочем, парня трудно винить: она тоже рванула бы от этого Макса, если бы он на неё так посмотрел. Там, у стойки, несмотря на свои габариты, он, хохочущий в спущенных штанах, казался не угрожающим, а уютным. Этот флёр слетел с него за секунды, стоило ему немного

рассердиться. Марго не знала, почему, но в эту секунду Макс показался ей весьма опасным человеком.

– Эрэспэха престарелая, – довольно громко буркнул парень у самого выхода.

– Трус! – буркнула Марго тихо.

Не хватило смелости сказать ей это в лицо. Марго не сочла нужным вернуть ему колкость, хотя он её и задел. Не эрэспэхой, нет, замужем Марго не была. Престарелой. Ей было тридцать семь, и ей напоминали об этом всё чаще. Она знала, что это не старость. Но каждый раз, когда кто-то напоминал ей о возрасте, внутри что-то сжималось. Как будто время поставило на ней штамп «просрочено», а она всё ещё пыталась стереть чернила. Марго тряхнула головой. Глупости! Она ещё покажет этому миру. Парень разозлил её, и она увеличила скорость на дорожке.

– Вы очень красивая, – вдруг сказал Макс.

Это стало последней каплей, Марго от неожиданности споткнулась и полетела с дорожки вверх тормашками. Она внутренне сжалась в ожидании, когда её физиономия встретится с полом, но этого не произошло. Сильные руки подхватили её и деликатно поставили на пол, не задержавшись ни секундой дольше, чем было прилично. Марго приоткрыла один глаз. Рядом с ней, сцепив руки за спиной, стоял Макс и смотрел на неё с приветливой улыбкой, ощущение угрозы от него больше не исходило. Будто кто-то рубильник дёрнул, честное слово! Он что-то там говорил, вроде...

– А? – глубокомысленно выдала она.

Макс улыбнулся шире и сказал:

– Не слушайте, что этот звездюк там ляпнул. Круто Вы его отбрили. Такая тирада.

– Я эти фразы на переговорах по три раза в неделю говорю, вот и вылетело, – ответила Марго, немного смущённая его похвалой. – Спасибо, – добавила она чуть тише.

Макс не стал делать вид, что не понял, за что она его благодарит. Он лишь улыбнулся ей и кивнул.

– Если что, я здесь. Открыт для сделок, – добавил он ехидно. – С отзывами, правда, тоже напряг, но я могу поработать над этим, если это является решающим фактором.

Марго зашипела и сделала вид, что хочет запустить в него бутылкой воды, а Макс с хохотом убежал. Марго едва удержалась, чтобы не хохотнуть вместе с ним.

Атмосфера тренировки была нарушена, пропитанная потом майка начала холодить тело, и Марго поняла – всё, пора заканчивать, к тому же она скакала тут уже больше часа. Скоро приедет её честно заработанная вкусняшка, нельзя заставлять её ждать. Помыться она решила дома, не приведи боги, этот тощий сделочник всё ещё крутится здесь. Столкнуться с ним, будучи завёрнутой в полотенце, и нарваться на очередной раунд комплиментов ей не хотелось. Он точно найдёт, к чему придраться так, чтобы стало побольнее.

Сидя в темнеющей кухне за столом и с удовольствием орудуя палочками, Марго задумчиво смотрела на второй, девственно-чистый прибор, стоящий напротив неё на столе, и почему-то подумала, что этот Макс неплохо бы смотрелся на той стороне стола. Сделка. Блин...

«Дочка, никто не смеет тебя оскорблять! За своё достоинство надо драться насмерть!» Голос отца, добрый, но строгий, генеральский, зазвучал в её ушах, наводя флёр грусти на столь прекрасный вечер. Я дерусь, пап. Дерусь...

Марго вздохнула и невольно вернулась мыслями к неприятному инциденту. За мысли о противном парне зацепили воспоминания о Максе. Как он рванул её спасать! Если ей не показалось, конечно. Но почему-то Марго была уверена, что не показалось. Приятно, чёрт подери! Папа, боевой генерал, намертво привил ей романтическое отношение к мужчинам, не лишённым рыцарственности.

А потом перед её глазами встала арафатка. Та самая замызганная тряпка, что лежала на консоли в её сияющей чистотой спальне сейчас.

Да, и такие бывают. Я помню. Помню и больше не куплюсь на эту шелуху. Любой, даже самый доблестный рыцарь в сияющих доспехах, увешанный орденами и при белом коне, может оказаться обыкновенным лицемерным брехливым подонком готовым лгать, чтобы затащить прекрасную даму в койку перед тем, как исчезнуть навсегда.

Глава 3. Совещание

– Андрей, ну нет!

– Маргош, ну что тебе, трудно что ли? – донёлся голос из офисного телефона, стоящего на громкой связи.

Марго поморщилась от этого сокращения её имени. Она не раз говорила об этом Андрею, но тот всё равно то и дело называл её так.

– Конечно!

– Блин, ну тебе всё равно не к кому спешить! Что тебе стоит?

Марго сжала губы. Она нечасто вспоминала о своём одиночестве и неприятном опыте, но вот такие случайно или намеренно брошенные фразы, сказанных таким тоном, её задевали.

– У меня работы хватает! Андрей, ну чёрт возьми, не хочу! Сколько можно?!

– Слушай, ну пожалуйста! Я замучаюсь вести протокол, потом вводить тебя в курс дела...

– Ага, и поэтому ты предлагаешь нам замучиться обоим? При чём мне – совершенно бестолково! – фыркнула Марго, не отрываясь от экрана монитора и порхая пальцами по клавиатуре.

– Почему замучиться? – переспросил Андрей.

– Потому что тебе всё равно сидеть на этом совещании, поскольку тебе за это платят, а мне ты предлагаешь переться через полгорода для того, чтобы три часа слушать какую-то белиберду только для того, чтобы тебе не делать потом изложение, – раздражённо ответила Марго. – Ты их в школе не любил что ли?

– Слушай, там начальство будет, я не могу тебя не позвать, – попытался зайти он с другой стороны.

– Ну что мне там делать?!

Марго переключилась между документами и вогнала в ячейку формулу для копирования информации с другого листа. Руки бы пообрывать тому, кто это сделал! Чёрт ногу сломит! Никакой логики...

– Поучаствовать! – выпалил Андрей.

– Мне туда лицом поторговать, что ли, нужно приехать? Я финансист, а не продажник, – возразила Марго. – Андрей, вы достали, честное слово! Совещание о том, как собрать совещание, чтобы решить, о чём будем говорить на совещании! Пустая трата времени, имитация бурной деятельности! Насколько я знаю, всё, что можно, уже решено. Или я не права?

– Да, в общем то, права, – покаянно протянул Андрей.

– Ну и чего мне тогда тащиться почти что в Измайлово, чтобы слушать, как несколько мужиков будут пару часов кряду меряться друг с другом бубенцами?

– Ну, это ты утрируешь, – обиделся Андрей.

– Да разве? – хохотнула Марго. – Два прошлых раза я потеряла по шесть часов рабочего времени на то, чтобы послушать, как мужики совещаются, зелёный или красный вензелёк будет на договоре. Ты считаешь, это нормально? Неужели ты думаешь, что у меня нет других дел?

– Мы в ресторан пойдём, представительские расходы с компании, – умаслил её Андрей.

– Мне тут продаваны и проджекты проект похожий закинули с китайцами на пол-ярда. Мои олухи его одобрили, не разобравшись. Мне послезавтра такая головомойка предстоит! У меня просто нет физической возможности уделить несколько часов на эту...

Нецензурное определение так и рвалось из неё, но ругаться на работе она себе, в отличие от многих коллег, не позволяла.

– Марго! Там же тоже про деньги!

– Вы эту инициативу ещё месяца три мусолить будете! Не горит! Ты хоть знаешь, сколько времени я потрачу на то, чтобы добраться от Измайлова до дома вечером, когда вы соизволите закончить трапезничать?

– Не будем! Проект срочный, скоро всё в работу поступит. И я тебя подвезу!

– Я сама себя подвезу! – отрезала Марго. – Время – деньги!

– Марго, ну хотя бы послушай... – Андрей понизил голос, будто надеялся, что это убедит её.

– Что послушать? – Марго всплеснула руками, чуть не сшибив собственную кружку, хоть собеседник и не мог её видеть.

– Совещание...

Марго на секунду замерла и зажмурилась, постукивая пальцами по клавиатуре. «Опять он за своё», – подумала она. Андрея вечно бросали на амбразуру взаимодействия с Марго, зная об их давней дружбе. Видимо, дали чёткое указание затащить её на эти переговоры... Вслух она сказала:

– Да не хочу туда ехать! Что ж ты никак в толк не возьмёшь? Мне там нечего делать.

– Ну хорошо, не приезжай – отмажу тебя, – сдался Андрей. – Ну давай, я тебя хоть по телефону подключу.

– Как ты себе это представляешь? – без особого интереса спросила Марго.

– Ну, созвонимся, я поставлю тебя на беззвучный и громкую, чтобы ты смогла спокойно клацать своей клавиатурой. Положи рядом с собой телефон, да и слушай.

– Андрей, что за дурость? – Марго едва не закатила глаза.

– Ну пожалуйста, ты меня очень выручишь! – взмолился Андрей.

– Чёрт с тобой, только по старой дружбе! И да! Я знаю, что это окажется простой тратой времени! Ты будешь мне должен!

– Спасибо! – взвизгнул Андрей и бросил трубку, пока она не успела передумать.

Марго зло взглянула на телефон, потом с шумом выдохнула, закинула руки за голову и развела локти, пытаясь потянуть напряжённые мышцы. За стеклянной стеной кабинета мелькали силуэты коллег – кто-то громко смеялся, кто-то стучал по клавиатуре так, будто пытался её сломать. Она невольно поморщилась: в такой обстановке сосредоточиться было невозможно.

Жаль, что она не может разуться и закинуть гудящие ноги на стол. Пусть формально у неё был отдельный кабинет, стены его были сплошь стеклянными. Они ограждали её от звуков опенспейса, в котором она работала, но совершенно не ограждали от взглядов. Дурацкая идея была.

Если бы её кто-нибудь спросил, она, конечно, попыталась бы убедить коллег в том, что на работе иногда всё-таки требуется уединение. Не все люди могут сосредоточиться в шуме-гаме работы большой толпы. Марго как раз была из таких.

Её нежелание даже слушать это бесполезное совещание было обусловлено ещё и тем, что она совершенно не могла работать при посторонних звуках: никакой музыки, никаких разговоров, никакого телевизора или радио, работающих в фоновом режиме. Именно поэтому она выбила себе отдельный кабинет, хотя обычно они доставались только руководителям департаментов, коим Марго не являлась. Руководитель направления – да, но всё-таки в компании водились рыбки и покрупнее.

Этот кабинет больше напоминал ей аквариум, где на неё все глазели, как на рыбку: она не могла сделать его домашним, не могла в нём расслабиться. Единственная привнесённая лично ею деталь – небольшой кактус, стоящий около монитора. Кактус – только потому, что его требуется поливать реже, чем другие растения. Его Марго не боялась бросать, уходя в отпуск. Впрочем, в отпуск она ходила редко.

Свою должность ей пришлось выгрызать. Женщина на руководящей должности, тем более в финансах? В бухгалтерии – запросто, но вот в планировании – никогда. Марго дважды пришлось пробивать головой стеклянный потолок. У нас и правда кто-то верит в то, что общество в России матриархально? Мужененавистническое? Ха! Да они просто никогда не бывали на месте женщин!

Марго была незамужней и бездетной, так что не в полной мере прочувствовала на своей шкуре, как неласково обращаются кадры с сотрудниками женского пола. Зато она в полной мере могла насладиться этим зрелищем со стороны.

Она своими глазами видела, как девчонки, обзаведясь семьёй и детьми, застревают или, хуже того, скатываются по карьерной лестнице, или вообще вылетают с работы под разными предложениями, теряют доход и попадают в финансовую зависимость от мужа или родителей. Такого непотребства в подчинённых ей отделах она не допускала никогда, организуя железобетонное соблюдение трудового кодекса для декретниц и только что вышедших из декрета молодых матерей.

Не из солидарности или ненависти к противоположному полу! Вовсе нет! Марго просто помнила, каково это – матери-одиночке остаться один на один с не слишком-то дружелюбным миром. Помнила, что такое жесточайшая экономия, что такое ожидание долгими тёмными вечерами, пока мама вернётся со второй работы.

Её мама не пожаловалась на жизнь ни единого раза и ни единого раза не упрекнула дочь в том, что ей приходится так тяжело. Именно поэтому Марго начала работать в четырнадцать лет. Она из кожи вон лезла, чтобы помочь матери. И у неё получилось.

А потом, наверное, всё пошло по накатанной: привычка работать, привычка побеждать и достигать. От неё довольно трудно избавиться. Познав нужду, Марго стремилась к достатку и стремилась к нему жёстко, как могут себе позволить только мужчины. За это её люто ненавидели сотрудники-мужчины, искренне считали её закоренелой феминисткой.

Все, кроме Андрея.

Старый друг, одноклассник, с которым они сидели за одной партой в школе, учились в одном университете, а потом поддерживали связь, пока наконец случайным образом не устроились в одну организацию. Андрей – на должность продавца, а Марго в финансовый отдел.

Марго по праву гордилась своими профессиональными навыками. Она прекрасно оперировала в голове огромными суммами денег и отлично считала.

Сначала её обязанности ограничивались исключительно финансовыми вопросами, а потом к ним добавились ещё и некоторые представительские функции. За её умение без подготовки выдавать гладкие тирады, построенные в деловом стиле, её всё чаще стали вызывать на переговоры.

После первых же удачных переговоров Марго поняла, что перед ней открываются новые перспективы, и начала совершенствовать свои умения в ведении деловых бесед. Это принесло плоды – иногда такие вот неприятные. Её норовили вызвать даже туда, где её присутствие совершенно не требовалось.

Она понимала, почему Андрей так настойчиво пытается «запихнуть» её везде. Чем больше представителей компании присутствует на переговорах и чем выше они по служебной лестнице, тем более клиент чувствует себя обласканным, а значит, готовым платить. Тем не менее ей, как прожжённому практику, это казалось совершенно глупым. Сидеть и хлопать глазами, глядя на самодовольную физиономию очередного заказчика, или работать на его же благо? Марго считала, что выбор очевиден. Впрочем, наверное, поэтому она и не продавец.

Дав себе минутку пострадать по безвинно загубленному рабочему дню, Марго выдохнула, смирилась со своей участью, встала и прошла в кофе-пойнт, чтобы заварить себе чаю. Сегодняшний день будет трудным.

Как только она вышла из «аквариума», гул офиса обрушился на неё. Звонящие телефоны, цокот каблучков, клацанье клавиатур, разговоры и смех. Такие привычные звуки. В кофейной точке было немногочисленно, приближался обед, и сотрудники спешили завершить дела. Как хорошо! Ей не хотелось вести светских бесед сейчас. Ей хотелось чего-нибудь вкусного.

Заварив себе чёрного чая с сахаром и лимоном в такой огромной кружке, что нормальные люди использовали бы её в качестве супницы, Марго вернулась на рабочее место. Хрустнув пальцами, она плюхнулась в кресло и снова включила компьютер.

С наслаждением прихлёбывая чай, она правым глазом просматривала финансовый план проекта стройки с китайцами, который прислал директор проектного офиса, а левым иногда посматривала на почту, в которой то и дело всплывали новые письма.

Одно письмо её заинтересовало, оно было помечено флажком «важное» и озаглавлено невежливо прописными буквами. Она открыла его, пробежала взглядом и поморщилась. Ей писал один из руководителей проектов, рядовой сотрудник.

Вообще Марго не страдала манией величия, но всё-таки предпочитала, когда официальная переписка велась в соответствии с субординацией. То есть, когда сотрудники обращаются в переписке к своему руководителю, а руководители – к руководителям других направлений. Здесь же руководитель проекта обращался напрямую к ней – да при этом так развязно, что Марго даже хрюкнула в изумлении. Поставить своего начальника в адресаты или хотя бы в копии он не удосужился.

А суть письма заключалась в мысли, что ей, Марго, нужно только подписывать бумажки, не вмешиваться в работу «умных дяденек», а то она своими неуместными вскукареками мешает им делать настоящую работу и вершить судьбы мира. Марго не собиралась спускать ему этого с рук.

Недолго думая, она подняла трубку стационарного офисного телефона и по памяти набрала номер директора проектного офиса.

– Миш, привет! – резко выпалила она и, не дав директору времени ответить, продолжила: – Скажи мне, пожалуйста, в вашем проектном офисе есть настоящие пастухи? Возьми на себя, пожалуйста, этого барана Попова.

– А что случилось? – то ли настороженно, то ли весело спросил директор.

– А я сейчас тебе перешлю. Вы уж там сами разберитесь, кто из вас по должности должен управлять проектами на согласование, ладно?

– Конечно, давай посмотрю, – покладисто согласился директор. – Ты как сегодня? На совещании будешь?

– Слушай, отбивалась как могла, – Марго сморщила нос, – но Андрей уговорил меня поучаствовать хотя бы удалённо.

– Удалённо? А что, так можно было? – оживился Михаил. – В следующий раз сам попытаюсь отбиться!

– Ой, пожалуйста, нет! Место сачка уже занято мной! Если ещё и ты попытаешься слиться, то меня точно припашут! – со смехом ответила Марго и положила трубку.

Обещанное Андреем совещание началось через три часа. Он позвонил ей ещё из коридора, до того, как успел войти в переговорную, переключил её на громкую связь и уменьшил громкость динамиков, чтобы шум с её стороны не мешал проведению встречи. Уже через пять минут Марго закатила глаза едва ли не до затылка. Пусть она не ожидала ничего другого, но всё равно оказаться правой в данном вопросе ей было неприятно. Мужчины снова собрались для того, чтобы просто поважничать.

Первые полтора часа представители заказчика просто спорили между собой о том, что же всё-таки им требуется от исполнителя. Марго так и хотелось сказать: «Может, мы попозже зайдём, когда вы определитесь?» Следующие полтора часа были немножко более интересными, но только не в профессиональной области Марго. К деньгам там речь даже не подошла.

Ну и напоследок переговорщики за три часа настолько вымотали себя и своих оппонентов, что последний час они посвятили обсуждению какой-то фигни, вроде чьей-то дачи, рыбалки и пробежек по утрам.

Марго, исключительно из чувства обязанности сдержать своё обещание, не выключила телефон. Со своей стороны, впрочем, никто не обязывал её вдумчиво слушать эту белиберду, и она погрузилась в свои финансовые отчёты и запросы.

Вскоре из телефона донеслись прощания, заверения в горячей преданности и неуёмном желании сотрудничать. «Ну наконец-то расходятся», – подумала Марго. Через пару минут динамик телефона затих: наверное, Андрей, не попрощавшись, отключил звонок.

Марго искренне обрадовалась, что ей удалось отвертеться от очного присутствия на этой встрече. Абсолютно ничего нового и интересного она из неё не вынесла. «Надо будет попробовать продвинуть такой формат присутствия на бизнес-переговорах для некоторых категорий сотрудников, – подумала она. – Ведь по повестке совещания всегда можно понять, о чём пойдёт речь, и кто на этой встрече действительно нужен».

Она потянула руку к телефону, как вдруг...

– Ты уверен, что каналы готовы? Пятнадцать мультов – это не шутки. Если что-то пойдёт не так...

Марго застыла, недоумённо глядя на телефон. Голос, доносившийся оттуда, был ей не знаком, но звучал он неуверенно и как-то воровато.

– Всё проверено трижды. Офшор в Панаме ждёт, счёт активирован, фирма в Люксембурге уже получила «заём» от нашего филиала. Завтра утром, как только откроются банки, первая транша уйдёт.

Марго невольно склонила голову к плечу. Второго говорившего она тоже не узнала. В её среде слово «офшор» было почти матерным, а Люксембург и Панама настораживали ещё больше. У неё в груди зародилось какое-то нехорошее чувство, но от оторопи она не могла дать до конца внятную оценку тому, что слышала. Только вся обратилась в слух.

– А аудит? Они же просекут, что цифры не сходятся.

Да-а-а?..

– У нас есть «свой» в ревизионной комиссии. Он подправит отчёты задним числом, скажет, что это были инвестиции в новый проект. К тому времени деньги уже растворятся в цепочке из трёх-четырёх фирм. Никто не отследит.

Мозг Марго заработал с бешеной скоростью. В чьей компании? Какая комиссия? Ей решительно не нравилось то, что происходило. Не поэтому ли их компания так облизывала заказчика?!

– Но это же... Если вскроется – уголовка.

Глаза Марго поползли на лоб, руки сжались в кулаки, а сердце застучало чаще. Она застыла, как изваяние, боясь пропустить хоть звук.

– Ничего не вскроется. Сам знаешь, кто подписал схему. Ты либо с нами, либо...

– Я не про это! Просто... у них тоже финансовый отдел есть. Вдруг там честные до зубного скрежета?

– Пусть сидят и строчат свои бумажки. Как будто в первый раз!

Марго физически ощущала, как её челюсть тихо отделяется от остального черепа и ложится на стол. Её мышцы напряглись, в ушах стучала кровь. Забыв о том, что Андрей отключил звук, она боялась пошевелиться, чтобы не выдать себя.

– А вдруг всё-таки?..

– Значит, будешь следить, чтобы не сунули нос куда не надо. А если сунут... ну, знаешь правила. Либо играют по нашим, либо – против всех.

– Ладно. Но если что, я не главный. Не я это придумал!

– Разумеется. Ты просто обеспечиваешь «чистые» проводки через свой отдел. Завтра в девять ноль-ноль финальная сверка. И помни: тебе хватит, чтобы купить домик у моря и забыть про этот офис навсегда.

Вдруг в трубке послышался шум.

– Что Вам? – недовольно сказал один.

– Простите, я телефон где-то оставил.

Этот голос она точно знала. Это был Андрей. Марго судорожным движением ткнула в иконку завершения вызова, молясь все богам, чтобы Андрей не заметил, что звонок длился несколько дольше, чем предполагалось. Она не сразу смогла сообразить, почему так отчаянно хотела скрыть от Андрея этот факт, просто поступила инстинктивно. Но потом осознала...

А случайно ли Андрей оставил работающий телефон в переговорной? Или это было намеренно? Что он знал? И что теперь с этим всем делать ей? Она попыталась проглотить вставший в горле комок, рука со стиснутым в ней телефоном дрожала и стала скользкой от пота.

Глава 4. Воспоминания

Макс бесцельно постукивал ручкой по пустому столу в своём офисе и невидящим взглядом смотрел в стену напротив. Противно жужжал кондиционер, обдавая его потоком невкусно пахнущего холодного воздуха. Тихий стук клавиатуры за соседним столом бил по ушам, от принтера пахло горячей типографской краской.

Делать было нечего, он не устал и спать не хотелось, а к этому Макс не привык, и ему было странно. Раньше он использовал любую свободную минуту для сна, а теперь вот бездумно сидел, пялясь в стену. А мысли его блуждали далеко. Там, где он всегда знал, что ему делать.

Макс стоял, прислонившись спиной к стене и ждал. По другую сторону от приоткрытой двери с безучастным видом стоял Вереск. Ну, точнее, звали-то его Свят, Святослав, но все они настолько срослись со своими позывными, что Макс, наверное, и сам вздрогнул бы, если бы Вереск назвал его Максом. Шатун. Макса товарищи звали Шатун. Так ему нравилось даже больше.

Шатуном он себя и ощущал. Будто проснулся в неурочное время, вылез фиг знает куда и зачем, и теперь бродит, неприкаянный, голодный и замёрзший.

Выражение лица у Вереска соответствовало случаю: охраняли они сегодня девчонку из «Гермеса», переводчицу. Даже, стыдно сказать, не охраняли, а подрабатывали дуэньями, пока она в кабинете болтает со своим мужиком. И как они до этого скатились? Няньки... Тфу!

Впрочем, Макс знал, Вереск стоял бы тут с таким же каменным лицом, если бы перед ним девчонки исполняли кан-кан или ему в лоб упёрли бы ствол. Непрошибаемый перец. В этом они с Шаманом были похожи – чёрт разберёт, о чём думают и чего хотят.

А Максу было муторно. День тянулся медленно и нудно, как инструктаж по технике безопасности. Кому они вообще нужны? Хотелось драйва, движухи какой-нибудь. На худой конец, хоть поохранять какого-нибудь биг-босса, на которого реально могут наброситься. А это... Возня какая-то. Стоят, вооружённые по-взрослому, в офисе переводческого агентства и слушают, как двое влюблённых триндят по-шведски. Ну хоть платят прилично.

– Мальчики! – донёсся до них резкий и чуть насмешливый голос начальницы агентства. Вереск и Шатун пихнули дверь и заглянули в открывшийся проём. – Сопроводите даму на переговоры, – сказала она, выделив последнее слово. – Не теряйте из виду и не отходите далеко. Чтобы девушка не переволновалась.

Ага, переговоры. Как же. Упустить возможность похохмить Шатун не смог.

– А если они этого того?... – нарочито испуганно сказал он.

– Так! Брысь отсюда! – со смехом сказала начальница.

Шатун расхохотался, но послушно отвернулся и первым пошёл в сторону входной двери, не забывая привычно следить, что подопечная следует за ним. Будто и правда за дверью опасно. Вереск привычно прикрывал тыл. Чёрт, даже здесь они работают, как слаженная команда на боевом задании. А впрочем, чего только не случается в, казалось бы, совершенно безопасных местах.

Они споро разобрали верхнюю одежду и направились на выход. В прихожей было тесно, и они одевались по очереди, чтобы не толкаться локтями. Первым на улицу пошёл Шатун. С его габаритами он всегда был ударной силой отряда, авангардом, Джаггернаутом. Даже на гражданке Шатун невольно шёл первым. Наверное, эти привычки не так-то легко сбросить.

Он вышел из здания, привычным цепким взглядом окинул округу, приметил припаркованный у тротуара внедорожник и, не найдя непосредственной угрозы подопечной, отошёл вправо, чтобы освободить обзор следующим членам группы.

Какой группы? Блин!

Шатун тряхнул головой и оглянулся на дверь офиса. Девчонка-переводчица как раз выходила, теребя воротник своей курточки.

– Карина Егоровна, – раздался рядом несколько развязный голос.

Если бы в этот момент Макс не смотрел на подопечную, он бы, скорее всего, прикрыл её на всякий случай и не сильно бы напрягся, но лицо девчонки исказилось в настороженно-удивлённой гримасе, и Шатун внутренне подобрался. Он перевёл взгляд на подходившего к ним мужика, при взгляде на которого невольно приходили на ум братки из девяностых. Мужик Шатуну совершенно не понравился, и Шатун пошёл вперёд. Сначала сделает, потом подумает, надо ли было.

– Карина Егоровна, я от Михаила Фёдоровича. Он хотел поговорить с Вами лично.

Макс краем глаза уловил испуг на лице подопечной, а тело его уже начало действовать само. Адреналин побежал по венам, мышцы напряглись, он будто бы даже вырос на пару сантиметров. Шатун закрыл плечом подопечную, испытывая даже какую-то радость и беззвучно умоляя мужика сделать что-нибудь лишнее. Слева, будто из ниоткуда, появился Вереск и встал плечом к плечу с ним.

Убедившись, что ухажёр подопечной, довольно крепкий швед, прикрыл девчонку со спины, Макс перевёл недобрый взгляд на подошедшего и не без удовольствия отметил, что тот сблел с лица.

– У Вас какие-то вопросы к Карине Ёгоровне? – гавкнул Шатун.

Мужчина замялся. Надменный вид слетел с него мгновенно, взгляд его метался между Шатуном и Вереском. На Шатуна он почему-то поглядывал с большей опасной. Лицо Макса исказилось в неприятной гримасе, больше похожей на оскал.

Что? Съел? Не просто так пришёл, да? Хотел пристать к мышке, а наткнулся на трёх волкодавов. Давай, давай! Где там твои яйца?

Швед что-то спросил у девчонки резким голосом, и та мелко затрясла головой, прижимаясь к ухажёру ещё сильнее. Знает подошедшего. Напугана. Понятно, работаем.

– Меня попросили пригласить Карину на разговор, – чуть невнятно начал блеять мужчина.

– Да-а-а? – издевательские и с нескрываемой угрозой сказал Шатун.

Какая-то буйная удаль охватила его. Будто ему дали вздохнуть полной грудью после долгого заточения.

– А по-моему, дама с Вами никуда не хочет, – ещё жёстче придавил Шатун и чуть наклонился к мужику, давя его своей мощью. Подействовало.

– Но я тут... – булькнул подошедший, начиная пятиться.

– Карина Ёгоровна, – спокойным, холодным голосом заговорил Вереск. – Вы поедете куда-нибудь с этим человеком?

Шатун едва не хохотнул. Хоть стреляй в него – всё так же будет плезиры разводить с каменной рожей. Он обожал смотреть, как люди ёжятся от этого тона, хоть и не показывал этого.

– Нет... – прошептала девчонка хрипло.

Она дрожала и жалась к своему мужику. Такая маленькая. Уязвимая. И этот... Нехорошо обижать маленьких!

– Карина Ёгоровна Вам перезвонит, если сочтёт нужным, – рыкнул Шатун.

– Но... – попытался было мужчина.

Ну всё! Сам нарвался! Если бы они были «за ленточкой», ходить бы ему уже с дыркой в башке и посвистывать на сквозняках! Но здесь так нельзя, и об этом следует помнить. Шатун с трудом удержался от того, чтобы врезать этому гаду в челюсть для профилактики.

– Попрошу отойти от нашей подопечной не менее, чем на двести метров. В противном случае, мы будем вынуждены применить оружие, – ровным голосом сказал Вереск и шевельнулся, показывая боевой ствол в наплечной кобуре.

Шатун чуть слышно фыркнул. Мужик рванул от них на пятой передаче, едва не оставляя за собой жёлтый мокрый след. М-да... Судя по его поведению, яйца ему не особо и нужны... Он даже не попытался вступить в конфликт! Куда там? Он, похоже, в жизни ничего страшнее зажигалки не видел. А Шатун и Вереск видели. И делали. Гораздо страшнее. И по ним это видно.

– Всё в порядке, Карина Ёгоровна, он к Вам не подойдет, – сказал Шатун.

Он обернулся, окинул взглядом перепуганную подопечную, убедился, что всё в порядке, и снова осмотрелся. Похоже, девочка не так проста, как казалось сначала. Возможно, ему даже удастся поразмяться. Хоть бы!

– Витязь, пришли к нам Бурана. Тут возникли непредвиденные трудности, – прозвучал голос Вереска.

Отличная идея. Втроём смотреть по сторонам гораздо удобнее. Кровь Макса ещё бурлила, и он зорко оглядывался, пока девчонку запикивали в такси. Они с Вереском уселись туда же. Он не совсем понимал, куда их везут, девчонка говорила со своим мужчиной по-шведски, но Шатуну, в сущности, было плевать.

Такси остановилось у отеля, на первом этаже которого был ресторан. Швед проводил туда едва переставляющую ноги девушку и усадил за стол. Макс и Вереск разошлись по стенам, спустя несколько минут там же появился Буран. Шатун поприветствовал его кивком.

Двое за столом снова принялись мирно беседовать, и раж, охвативший было Шатуна, начал спадать. На него снова наваливалась хандра, почему-то было очень жаль, что тому мужику он так и не врезал.

Через минуту к ним троим зачем-то подскочил официант и поставил на столик неподалёку от каждого по тарелке вполне приличной еды. Серьёзно? Шатун впервые встретил клиента, который не относился к телохранителям, как к мебели. Он благодарно кивнул и быстро умял свою порцию. Пусть аппетита не было, по давней привычке он ел, когда предоставлялась такая возможность.

Вскоре в зале ресторана появился дядечка, на котором прямо-таки бегущей строкой светило слово «юрист». С этого момента происходящее вокруг снова превратилось в какой-то отдалённый гул и поблекло.

Кое-как Шатун домучился свою рабочую смену и пошёл к подопечной.

– Карина Ёгоровна, мы, пожалуй, пойдём. Нам впечатлений хватит на сегодня. Оставим с Вами Бурана.

– А вы меня и здесь охранят что ли будете? – удивлённо спросила девчонка.

– Обязательно, – отозвался Буран. – Витязь, наш командир, сначала думал, что это просто придурь богатенького Буратино. Но если в первый же час нашей работы к нашему подопечному подходят люди с нехорошими намерениями, мы предпочитаем выложиться на полную. Во избежание.

– Где же Вы будете спать? – спросила она, раскрыв широко глаза.

Шатун встряхнулся, сбрасывая воспоминания полугодовой давности, и растянул губы в горькой усмешке. Удерживать сознание в настоящем моменте было трудно.

Картина, как они с Бураном спали в яме, укрывшись какой-то тряпкой, одной на двоих, встала у него перед глазами. Неискушённому зрителю такая поза для сна могла показаться двусмысленной, но военные реагировали спокойнее. Так просто теплее. А в пустыне ночью почему-то чертовски холодно. Теперь при желании Шатун мог спать стоя, сидя, на ходу и лёжа на гвоздях. А мог не спать вообще.

Макс ко многому привык за время своих мытарств. Не есть, есть то, от чего обычный человек будет блевать на три метра, не спать, целиться на звук, видеть в темноте, ориентироваться по звёздам. Убивать...

Он вдруг поймал себя на мысли, что воспоминания о Сирийской пустыне кажутся ему более яркими, чем окружающая действительность. Макс с недовольством посмотрел на сидевшего за соседним столом Витязя, будто это он был виноват в его, Макса, злключениях.

Витязь, Костя Витязев, был директором «Цербера». Собственно, с него всё и началось, с него и его Саши. Сейчас Витязь сидел за компьютером и что-то вдумчиво изучал на мониторе. Так непривычно было видеть его за офисным столом, что Макс эта картина резала глаза.

Гораздо органичнее Витязь смотрелся с калашом и в броне. Их командир, даром что самый молодой в команде. Год назад он влип в передрагу, и ребята, все как один, рванули ему на подмогу. Не могли не рвануть. Все здесь были друг другу жизнями обязаны, а такие долги не забываются. Тогда-то вся их нынешняя история и началась.

А впрочем нет. Для них с Максом всё началось гораздо раньше. Офис снова подёрнулся дымкой перед глазами Макса, и перед внутренним взором поплыли совсем другие картины.

– Направо! Направо! – орал Витязь.

Они неслись по голой, покрытой жалащими камнями, жёлтой раскалённой земле. Ни куста, чтобы скрыться, ни тени, ни холма. Песок скрипел на зубах и сушил глотку, жара давила на плечи. Жара, жажда и страх. Воздух был наполнен свистом и воем, чёрные железные птицы неслись над головой и пикировали, пикировали...

Шатун давно уже едва слышал, что происходит вокруг, угадывал, читал по губам, в ушах звенело. Наверное, по шее из уха снова течёт кровь. В небо то и дело взвивались столбы песка и изгрызенного снарядами камня. И каждый из этих столбов нёс смерть. Накрыли... Бежать, бежать, бежать скорее и дальше, иначе...

Они стояли у какой-то деревушки, несколько странных домиков из глины и козьего дерьма, похожих на поставленные стоймя боеголовки. Эти домики разлетались от взрывной волны, как хижинки поросят из сказки. Враг бил по мирным жителям без жалости, лишь бы уничтожить побольше русских.

Под ногами металась обезумевшая мелкая, размером с кошку, козы, визжали женщины и дети. Шатун не знал, куда ведёт его Витязь, просто шёл за командиром. Пока взгляд его не упал на девушку. Местные при первых же звуках налёта разбежались кто куда, а она скачет вокруг обломков хижины и копается в камнях. Сумасшедшая. Шугнуть бы её, чтобы порскнула за всеми. Прицельно по ним бить не будут. Может, и выживет.

Девушка вдруг подняла голову и совершенно безумными вытаращенными глазами огляделась вокруг. Лицо её было перемазано песком, слёзы прочертили светлые дорожки по щекам, платок с головы снесло взрывной волной, и тёмные кудри рассыпались буйной массой. Почти совсем девочка. Маленькая, худенькая. Напуганная.

Они встретились взглядами с Шатуном, и такая мольба была в её взгляде, что Шатун споткнулся. «Спаси!» – почти услышал он. Почему она не уходит? А девчонка снова бросилась к груде глиняного крошева, роясь в нём, не жалея себя, раздирая руки в кровь. Она визжала от страха при звуках взрывов и пригибалась, но продолжала копать. Там кто-то остался под обломками!

– Витязь! – заорал Шатун и рванулся к ней.

Не знал, почему, но не смог пройти мимо. Если бы прошёл – сам умер бы на месте.

– Чтёб тебя! – ругнулся Витязь и тоже сменил курс.

Девчонка причитала по-арабски и хватала его за броник своими по-птичьи тонкими ручкам, Шатун не понимал ни слова, он просто бросился помогать. Витязь взял автомат наизго-

товку и окинул взглядом местность. Свои разбежались, попрятались. Молодцы. Сейчас соберутся с духом и, может, смогут организовать оборону.

Шатун окинул взглядом руины, примерился к самому большому куску стены и рыча поднял здоровый его. Девчонка тут же нырнула в дыру, как кошка, погрузившись до пояса в темноту. А через секунду выскочила наружу с грязной перепуганной малышкой на руках.

– Мама! – орала девочка, не помня себя и потрясая ручками. – Мама!

И почему это слово на всех языках звучит одинаково? Какая мама из этой недолетки? Шатун думал об этом уже на бегу. Он схватил девушку за локоть и потащил подальше от лагеря, та бежала за ним, не сопротивляясь. Безумие ужаса ещё не покинуло её лица.

В небе вновь взревело, и Шатун, не успев додумать мысль, толкнул девушку с ребёнком на землю и бросился сверху, накрывая их своим большим телом. Витязь бухнулся рядом, прикрывая ребёнка с другой стороны.

Бум!!!

По спине застучало, в затылок хряснуло чем-то тяжёлым, запахло смертью. А потом прилетело по темечку. Кажется, камнем. По лицу потекла кровь. Плевать. Девчонки в тёмном коконе тел взвизгнули и в страхе усталились на двух русских, что прикрывали их. Шатун улыбнулся и подмигнул ошалевшей девочке. Хорош он, наверное, был с кровью на физиономии и весёлой улыбкой! Девчонки смотрели на него с библейским ужасом.

– Нормально всё будет! – выпалил он по-русски.

Макс автоматически почесал шрам, что рассекал его шевелюру неровным пробором. Женщины даже говорили, что ему идёт. Макс только смеялся в ответ. Физическое напоминание о прошлом, якорь, вышибавший его в прошлое каждый раз, как только он смотрелся в зеркало или дотрагивался до него.

Он почти мог ощущать застарелую боль. В рану попала куча дряни, медика тогда разметало вместе с сумкой, а местные могли пользоваться его только выпаренной козьей мочой. Рана воспалилась и загноилась, вызывая лихорадку. Макс выкарабкался, но ощущения запомнил навсегда.

Всё и правда обошлось. Макс с Костей вытащили их тогда и передали на руки молящемуся и рыдающему молодому мужчине. Похоже, мужу девочки. Макс помнил того худого, как и большинство местных, невысокого, ему по грудь, араба... Совсем случайно они оказались в эпицентре этой кошмарной бури. Им бы коз пасти в тишине да детей рожать.

– Ты чего пыхтишь? – спросил Костя, не отрываясь от монитора, и клацнул мышкой.

– А я паровоз! – тут же отозвался Макс.

– Ну так и трогайся!

– Да я уже, – хохотнул Максим.

Макс вдруг понял, что они оба, не сговариваясь, не задумываясь, сели спинами к капитальным стенам. Привычка, вбитая с кровью и болью, не отпускала даже в мирное время.

– А ты чего вообще пришёл? – спросил Костя и наконец посмотрел на подчинённого.

Макс окинул взглядом серую коробку офиса, потёртый стол, за которым сидел, почесал в затылке и выдал честное:

– Да как-то... скучно.

– А тут весело? – ухмыльнулся Костя.

Выглядело это для непривычного человека жутковато. Косте в аварии попортило половину лица и повредило лицевой нерв или как-то так, и теперь он с одной стороны был похож на творение Фредди Крюгера. К тому же та половина лица у него почти не двигалась.

– А то! Здесь же ты! – тут же отозвался Макс.

– Я те клоун что ли? – беззлобно поддел Костя.

– Дождёшься от тебя...

Костя фыркнул и закатил глаза.

– Сходи в баню что ли.

– Фраза коробит своей двусмысленностью, – беззлобно хохотнул Макс.

– Паяц, – ухмыльнулся Костя. – Я серьёзно. Развлекись, пока работы нет.

– Да я как-то... – начал было Макс и осёкся.

Он не мог сформулировать, почему никак не мог найти себе места, почему то и дело проваливался в воспоминания, почему маялся, будто цепной пёс, хотя цепи никакой не было.

– Вот и я так же, – вздохнул вдруг Костя и посмотрел на Макса таким взглядом, что тот поёжился.

Тёмные, почти чёрные глаза Витязя напоминали бездушные провалы автоматных стволов. Макса пронзило узнавание. Точно такой же взгляд, мрачный, тяжёлый, он часто видел в зеркале. Витязь криво ухмыльнулся и вдруг выдал нормальным голосом:

– Чего здесь тухнуть? Лето. Как будет что-то стоящее, я тебе наберу, Макс. Иди, побей грушу. От твоей хандры цветы вянут.

– У нас нет цветов! – парировал Макс.

– А мы заведём!

Макс хмыкнул, но послушно поднялся. Он злился на командира, хотя, в сущности, злиться было не на что. Выходя из офиса, он мучительно думал, чем себя занять. На ум ничего не приходило.

Макс вышел на улицу. Солнце слепило, люди спешили мимо. Он остановился, глядя в небо, и на секунду ему показалось, что где-то вдали слышен гул самолётов. Макс потрянул головой. Нет. Только ветер и город.

Глава 5. Подозрения

Уснуть Марго так и не удалось. Она даже не смогла заставить себя лежать в кровати – легла вовремя, укрылась одеялом, поправила подушку и вскочила через пять минут. Тревога заставляла всю её кожу зудеть, не давала покоя.

Она меряла шагами тёмную кухню, бродила по ней, как привидение. Обычно ходьба помогала ей думать, но не сегодня. Вздурораженная, она просто крутила мысли в голове не в силах принять никакого решения. Она даже варианты дальнейших действий сформулировать для себя не могла.

Радовало одно: никто ещё не позвонил ей с вопросом, не слышала ли она чего-то лишнего. Это давало ей какую-то призрачную надежду на то, что проблема рассосётся сама собой. Марго чувствовала себя ребёнком, который от страшных монстров прячется под одеялом.

Ну и что теперь делать? Если никто не в курсе, что она подслушала разговор, то стоит ли вообще обнаруживать свою осведомлённость? Сделать вид, что ничего она не знает, и вообще у неё лапки? Они говорили про пятнадцать миллионов. Если в донгах, то это ничего, а если в американских или европейски рублях? За такое могут и прибить. За меньшее убивали.

Распилить пятьдесят тысяч рублей – о таком даже беспокоиться никто не будет, проведут, как представительские расходы. А вот пятнадцать миллионов. Даже если деревянных – такое на закупку зубочисток не спишешь, кто-то «большой» должен быть в курсе. И в доле. А свою долю обычно люди отдают неохотно и очень обижаются, если их ловят на некрасивых поступках. Интересно, кто этот загадочный «сам-знаешь-кто», который документы подписал?

Но промолчать? Если бы она точно знала, что её компании это не коснётся, то, может, совесть её бы и не сильно гавкала, но вот фраза «у них же тоже финансовый отдел есть» говорит о том, что задействованы бабки обеих компаний, если, конечно, в сделке не участвует кто-то третий. Если в Панаму что-то полетит из их кошелька, и это потом заметят в процессе аудита, то руководство поступит согласно древнейшей и благороднейшей традиции – свалит всё на исполнителя, и Марго сядет шить тапочки лет на восемь. Тапочки шить очень не хотелось.

Но если настучать, то кому? Не получится ли, что она придёт докладывать Ришильё, что миледи Винтер собирается спереть подвески? Чего доброго, ей после такой инициативы подкорректируют состояние здоровья, чтобы она под ногами у исполнителей не путалась. А если ещё и безопасник какой-нибудь в схеме, то он обязательно попросит ФСБ найти у Марго какой-нибудь грешок. И ведь найдут! Может, сбросить новость веером и сразу рвать когти в Гондурас?

Молчать или не молчать – вот в чём вопрос.

Мучаясь такими размышлениями Марго провела ночь без сна, и к концу её мытарств мозг выдал только одну здравую мысль: сначала нужно понять, засекли её или нет, а потом уже действовать по ситуации. Это решение немного помогло ей сбросить напряжение, сковывавшее её тело.

Сегодня был рабочий день, и скоро ей нужно будет собираться в офис, и перепуганная физиономия может её скомпрометировать. Идти в офис было откровенно боязно. Непонятно, что её там ждёт. Но деваться некуда – если она вдруг исчезнет без внятной причины, это точно вызовет подозрения.

Марго, уняв нервную дрожь, посмотрела в зеркало на своё припухшее от бессонницы лицо и принялась приводить себя в порядок. В восемь тридцать она уже подходила к своему бизнес-центру с привычно-строгим выражением лица.

Новомодный бизнес-центр чем-то напоминал Марго Колизей: офисы в нём располагались по краям в три этажа, а всё внутреннее пространство занимал крытый зимний сад с фон-

таном, над которым для зрелищности перекинули стеклянные мостики переходов и эскалаторы. Гул голосов здесь отражался от стеклянных стен, резонировал и разносился по всему пустому пространству, превращаясь в невнятный ропот. Выйти сюда на минутку погулять и правда было приятно, Марго сбегала сюда, когда желание бить сотрудников тяжёлыми предметами становилось совсем уж невыносимым.

Её компания занимала все три этажа в юго-западном секторе здания, кабинет Марго был на втором этаже. Чтобы добраться до него, ей нужно было долго тащиться на эскалаторе над пальмами или ещё дольше ждать лифта. Марго бы с удовольствием преодолевала это расстояние по лестнице, не тратя время, но лестницы в этом здании предназначались исключительно для пожарной эвакуации. Иногда по утрам, когда у лифтов и эскалатора образовывался многоминутный людской затор, Марго хотелось невзначай хлопнуть по кнопке пожарной сигнализации для разблокировки двери. Судя по разговорам в очередях, её желание разделяли многие.

Привычные «здравствуйте, здравствуйте» летели на неё со всех сторон. Сотрудники привычно кивали ей и улыбались, приветствуя. У них-то не было бессонной ночи и груза на душе. Для них это было простое утро. Финансовый отдел уже шуршал бумажками, гудел принтерами и жужжал зуммерами стационарных телефонов. Кто-то уже ругался в трубку. Такие привычные звуки, обычно они успокаивали Марго. Но только не сегодня.

Натянутая, как струна, Марго приблизилась к своему аквариуму и едва не подпрыгнула, когда увидела сидящего в нём Андрея. Тот ковырялся в смартфоне и не сразу увидел хозяйку кабинета. Марго прищурилась: чего это он в такую рань уже у неё заседает? Случайно или нет? Чёрт! Если эта ситуация не разрешится в ближайшее время, она точно скатится в манию преследования и паранойю!

Марго взяла себя в руки и, нацепив на лицо нейтральное выражение, вошла в свой кабинет. Андрей дёрнулся, едва не сверзился со стула и уронил карандаш, который, по-видимому, бесцельно теребил в руках.

– О! Доброе утро! – выпалил он и махнул ей рукой, наполовину приподнявшись из кресла. Жест выглядел довольно нелепо.

– Доброе оно позднее, – привычно бросила Марго.

Она старалась ничем не выдавать своей нервозности, но чувствовала, что ладони её потеют.

– Ты чего с утра пораньше? – спросила она, когда пауза затянулась.

– Обсудить вчерашнее совещание, подвести итоги, так сказать, – пожал плечами Андрей, будто такое обсуждение было в порядке вещей.

«Впрочем, в общем-то, оно и есть в порядке вещей», – одёрнула себя Марго. На встрече держим лицо, говорим правильные вещи, а потом, за закрытыми дверями внутри компаний обсуждаем, как выкрутиться из того положения, в которое вляпались на встрече. Только вот карандаш в руках Андрея затанцевал ещё быстрее. Это мельтешение раздражало.

– То есть, сначала вы организовали никому не нужное совещание, потом притащили на него никому не нужную там меня, а теперь ты со мной хочешь устроить никому не нужное обсуждение? – привычно спросила Марго.

Её нелюбовь к совещаниям была известна.

– Ну почему никому не нужную? Там же и про деньги тоже, – тут же возразил Андрей. Да? Правда? На встрече или после, а, Андрей?

– Вы про доходы говорили там, а не про расходы. При чём там я? Насколько я поняла, всё уже давно решено, а теперь вы просто подгоняете бумаги под то, что хотите подписать. Я всё равно не могу заблокировать сделку, так?

– Ну, в общем, да, – скривился Андрей. – Но без тебя всё равно не стартанут.

– Я понимаю, что без согласования финансистов вы не можете приступить, но если уж такая пьянка, то мне при любом раскладе сверху поступит команда подписать, – Марго гово-

рила это деланно устало, а сама пристально следила за Андреем. – Всё равно меня под монастырь подводят.

– Ну так хоть под белы ручки, – улыбнулся Андрей. – А если серьёзно? Что думаешь о сделке?

Ни один мускул не дрогнул на лице Андрея. Правда что ли, не в курсе? Марго снова взглянула на Андрея, но тот смотрел в ответ совершенно открыто.

– Да ничего я не думаю, если честно, – пожала плечами Марго. – Проработку видела, затраты – тоже. Маржа не сильно большая. Объёмы – да, только за их счёт и вывезем. Из-за объёмов такая большая шумиха вокруг этого мероприятия?

Она правда скатывается в паранойю, или они действительно танцуют какой-то словесный па-де-дё, пытаясь заставить собеседника первым произнести то, что ни одному не хочется говорить первым?

– Да, из-за объёмов, – с готовностью кивнул Андрей. – Ты же понимаешь, в сумме выигрыш довольно большой, поэтому всё на контроле у руководства.

Ха У нашего тоже? То есть, про Ришильё это ей не зря подумалось? А чёрт! Не про неё все эти подковёрные интриги! Сказал бы в лоб, что от неё хочет, и дело с концом!

– Понимаю, – вздохнула Марго.

– Ну так что, подпишешь документы? – спросил Андрей.

– А у меня выбор есть? Или Владимир Петрович даст указание в любом случае?

– Наверное, даст, – поморщился Андрей. – Такую крупную рыбу никто не упустит.

– Ну а чего тогда спрашиваешь?

Андрей помялся и, не глядя на неё спросил:

– Как тебе понравилось по телефону на встрече присутствовать?

– Никак не понравилось, – максимально беззаботно ответила Марго. В голове у неё звенели тревожные звоночки. – Но порадовало, что хотя бы не пришлось ехать.

– А. Ну хорошо, – Андрей замялся и смотрел на Марго, будто чего-то ждал.

Марго приподняла бровь и развернулась к монитору, всем своим видом показывая, что хочет приступить к своим обязанностям. На экранчике рабочего телефона уже мелькала чья-то фамилия, сигнализируя о входящем звонке. Андрей вздохнул и поднялся с кресла.

– Ну, созвон тогда, – бросил он и направился на выход.

Марго проводила его долгим взглядом и только потом потянулась к трубке. Работа снова поглотила её и даже помогла немного отвлечься от тревог, но всё равно подспудное напряжение не отпускало её. Она то и дело ловила себя на том, что вздрагивает при звуке телефонного звонка или с некоторым запозданием открывает пришедшее письмо.

Несколько часов в таком напряжении совершенно вымотали её. Ближе к концу рабочего дня Марго ощущала себя совершенно разбитой, к тому же сказывалась бессонная ночь. Марго начала замечать, что руки её подрагивают, а внимание начинает рассеиваться.

Она приготовила себе ещё одну чашку кофе, хотя предпочитала не пить его после полудня. Вернувшись из кофейного пункта, она обругала себя за излишнюю тревожность. Она выговорила себе за то, что дёргается, как школьница, и твёрдо пообещала держать себя в руках. И в ту же секунду едва не уронила чашку, когда зазвонил её рабочий телефон.

Высветившийся на этот раз номер заставил её напрячься. Владимир Петрович Не сказать, чтобы они уж совсем не общались с Марго напрямую, но всётаки раньше он никогда не звонил ей сам. Он был довольно высокомерным и предпочитал общаться с «челядью и плебеями» через своих подчинённых.

Марго секунду держала руку над трубкой, не решаясь взять её, но всётаки схватила. «Прятаться, как дошколёнок под одеялом – это не выход», – подумала она.

– Алло?

– Маргарита, зайдите ко мне, – донеслось из трубки с некоторой ленцой.

– Хорошо, – ответила она. А что ещё она могла ответить? Такому начальству не отказывают.

Подхватив мобильник, Марго вышла из кабинета и, приняв нарочито уверенный вид, зацокала каблуками в сторону кабинета начальника, который располагался на самом верхнем этаже бизнесцентра. Она поднялась на лифте и перешла по узкому мостику со стеклянным дном над зимним садом.

Естественно, Владимир Петрович сидел в огромном кабинете с видом на этот самый зимний сад. В его кабинете мебель поражала роскошью – не то, что в её. Это впечатляло. Наверное, круче кабинет был только у президента компании.

Марго не стала стучать в дверь: кабинет был стеклянным, и Владимир Петрович прекрасно видел, что она подошла. Направляясь сюда, она ожидала попасть на небольшое собрание, к которому её пригласят присоединиться и высказать своё экспертное мнение. Но, на удивление, Владимир Петрович был один.

Марго почувствовала, как брови съезжаются на переносице; усилием воли она заставила своё лицо расслабиться. Секретарша Владимира Петровича на Марго никак не отреагировала, и та неловко мялась у двери, не зная, ломиться ли в кабинет или сесть в кресло для ожидающих. Владимир Петрович не заставил её долго ждать: он поднял руку и небрежным жестом, двумя пальцами, приказал ей войти. Марго не слишком понравился этот жест: он показался какимто собачьим, что ли. Всё же она взялась за ручку и вошла.

– Здравствуйте, Маргарита, проходите, садитесь. Я хотел поговорить с Вами по поводу сделки, которую вчера обсуждали.

Владимир Петрович сидел, переплетя пальцы на заметном животе и покручивался туда-сюда на стуле, не глядя на Марго. Она молча изобразила на лице живейшую заинтересованность.

– Как у нас там, нет проблем с этим? – продолжил он, когда Марго не подхватила нить беседы.

– Если говорить именно про финансовый отдел, то я лично никаких проблем не вижу, – ответила Марго в своей привычной уверенной и чуть многословной манере. – Насколько я понимаю, все документы уже обговорены и подписаны, так что с нашей стороны особых препон не будет. Тут больше стоит задуматься о том, как поведут себя проджекты: как у них дела с подрядчиками, как у них дела с закупками и прочим. Отдел закупок в курсе предстоящего проекта, насколько я знаю. Все только и ждут отмашки.

– У проджектов всё хорошо, – чуть задумчиво сказал Владимир Петрович. – Я сегодня говорил с ними. Документы сейчас в процессе подписания на самом высшем уровне.

Паранойя Марго вышла на новый уровень. Она не могла понять: кажется ей или на самом деле Владимир Петрович сделал довольно заметную паузу? Впрочем, к концу дня она уже начала бояться собственной тени. А Владимир Петрович продолжил:

– С ними проблем не будет, отмашка на старт была дана уже давно. У меня был единственный вопрос: будут ли у нас проблемы с финансовым отделом.

С этими словами Владимир Петрович посмотрел в глаза Марго так пронзительно, что она поежилась. И пусть она будет последней сумасшедшей, но именно в эту секунду она уверилась, что ничего ей не показалось, и в проекте есть двойное дно.

Если взять все факты по отдельности, ничего необычного с ней не произошло. Но почему-то шестым чувством она ощущала сгущающиеся над ней тучи. Она печёночкой ощущала, что ей только что, фигурально выражаясь, показали заряженный пистолет.

Она почувствовала, как по телу проходит противная дрожь. Марго сцепила пальцы на столе, чтобы они не тряслись предательски перед глазами Владимира Петровича. Ни в коем случае сейчас нельзя было выдать себя. Она натянула на лицо самое дружелюбное выражение, на какое была способна, и пожала плечами:

– Я как финансист должна сказать, что не считаю проект особенно рентабельным. По крайней мере, маржа меньше, чем мне бы хотелось. Но раз руководство считает, что репутационные потери будут больше, чем финансовые, при отказе от этого контракта... Кто я такая, чтобы мешать?

Марго улыбнулась и склонила голову к плечу, выражая полнейшее дружелюбие.

– Вот и хорошо, что у нас не будет с Вами проблем, – протянул Владимир Петрович и откинулся на спинку своего кресла. Он побарабанил кончиками пальцев по столу, помолчал секунду, глядя на столешницу, и коротко бросил: – Идите, это всё.

Марго учтиво попрощалась и вышла. Она понятия не имела, как смогла покинуть кабинет и не грохнуться – ноги ощущались ватными. Ей нужно было побыть одной, ей требовалось рассортировать всё, что она сейчас услышала. Одно она теперь знала точно: если услышанная информация просочится хоть куданибудь, она точно попадёт под подозрение.

Глава 6. На пределе

Макс проснулся с гадостным ощущением, что сегодня что-то пойдёт не так. Это чувство не отпускало его с предыдущего вечера, когда Костя подкинул ему работёнку – охрану Джарвиса. Джарвис! Тоже мне Иван Валентинович Михайлов, как значилось в его документах, придумал себе дурацкий псевдоним, хотя на роже у него было прямо-таки написано, что делали его под Рязанью, а никак не за бугром. И почему всякая шушера, дорвавшись до сцены, норовит изобрести себе непременно иностранный псевдоним?

Обычно такие заказы были для Шатуна рутиной, он их не особо любил. Какой-нибудь выскочка с завышенным чувством собственной важности брал себе громилу, скорее, для антуража. На самом деле, такие задания предполагали только скучные поездки по городу, ожидание у ресторанов и офисов и бесконечные встречи с фанатами, где Макс приходилось отшибать экзальтированных несовершеннолетних визжащих и рыдающих обожателей. Скука смертная.

Михайлов оказался парнем, которого Шатун бы назвал «пресным». Он был ухоженным до женственности, высокомерным и совершенно неинтересным. Ни проблеска интеллекта не озаряло его набриолиненное чело. Его разговоры сводились к обсуждению новых коллекций одежды, сплетням о коллегах по цеху и жалобам на пробки. Через два часа Макс стало казаться, что к концу дня он научится закатывать глаза до затылка. Или придушит клиента лично из любви к человечеству.

На бедре у Шатуна была одна-единственная кобура, и он чувствовал себя почти голым. Всё-таки, ему было гораздо спокойнее, когда грудь и спину прикрывал броник, а на плече болталось что-нибудь посерьёзнее пистолета. А впрочем, какой ему этот пистолет? Не от девчонок же отстреливаться! Чем они могут повредить этому «Джарвису»? Трусами насмерть закидают?

Макс стоял у входа в концертный зал, где должен был пройти чей-то день рождения с участием его подопечного. Ха! Вёл он себя, как звезда, а на утреннике будет скакать, как обыкновенный аниматор. Только очень высокооплачиваемый.

Место было выбрано не самое удобное: историческое здание, старый особняк с узкими коридорами и множеством потайных уголков. Лабиринтов Шатун не любил, жизнь научила, но деваться было некуда.

Шатун инстинктивно выбрал место у колонны, будто собирался отстреливаться. Сам потешался над собой, но от стены всё равно не отлепился. Он по привычке сканировал взглядом территорию – просторный холл, заполненный разнаряженными великовозрастными детишками, родившимися с серебряной ложкой во рту. Тут и там раздавался наигранный смех.

Шатун был здесь не единственным телохранителем, многие из собравшихся здесь тоже были при охране. Некоторые приветственно кивнули Макс, то ответил тем же. Охранники рассредоточились по залу, и Макс это понравилось. Проще будет, если что.

Ребята, похоже, тоже не зря ели свой хлеб. Они разошлись по залу так, чтобы занять все стратегически важные точки помещения. Макс внутренне усмехнулся. Они тоже сканировали помещение напряжёнными взглядами. Эдакие чёрные неподвижные столбы вокруг стайки блестящих вертялых пташек. Наверное, таким же бельмом на глазу выглядел сам Макс.

Сам понимал, как нелепо его напряжение, но ничего не мог с собой поделать. Ну что может случиться на вечеринке? Это здание – не опорник, его никто штурмом брать не собирается, а он всё, как старый конь, привычную борозду ведёт. Всё понимал и ничего не мог с собой поделать.

Михайлов провёл в гримёрке уже пятнадцать минут. Он красится там что ли? Нат, Макс слышал, что актёры перед выходом под софиты пудрятся, чтобы не сиять, как отполированная монета, но пятнадцать минут?

Макс привычным автоматическим жестом проверил пистолет на бедре, когда к нему подплыла стайка девушек. Они безо всякого стеснения с хихиканьем принялись его обсуждать, будто он был бабуином в зоопарке. Ни одна из пигалиц не была выше его груди.

И тут Шатун вспомнил женщину, что встретил в спортзале. Ту самую, перед которой у него слетели штаны. Контраст с этими мальками был столь разителен, что это вызывало у него невольную улыбку.

Та женщина была заметно взрослее, менее холёной, но при виде неё в душе Макса что-то дрогнуло. Она была живой. Не жеманной, не наигранной. Не пластиковой. Она не обошла вниманием его конфуз, но это не было обидно. Хотя бы потому, что обратила внимание и на содержимое его трусов. А эти девочки даже смотрели на него так, что хотелось вымыться.

Блин, а ведь она, наверное, живёт где-то неподалёку от него. Не случайно в тот зал абонемент взяла

– Ой посмотрите-ка, кто тут у нас. Новенький? – неприятным писклявым голосом выдала одна из девочек.

– Ты чей? – тут же перебила её другая.

Макс только улыбнулся, бросив на неё снисходительный взгляд. Ну ровно то, чего он ожидал.

– Тебя как зовут? – спросила третья.

– Максим Львович, – с улыбкой ответил Шатун и снова бросил взгляд на дверь комнаты, отданной под гримёрку.

– Льво-о-о-ович, – протянула первая, и все девочки рассмеялись, будто Макс сказал что-то за пределами смешного.

Одна из них нагло потянулась потрогать оголённый бицепс Шатуна, и тот не стерпел:

– Гав! – рявкнул он, накрывая рукой кобурку на всякий случай.

Осмелевшая девчонка подпрыгнула и взвизгнула, а её подружки снова расхохотались. Краем глаза Шатун заметил, что к ним уже пробирается один из дежуривших мордоворотов. Макс поклялся бы, что в глазах у того полыхала плохо скрытая ревность. Ай да девочка Ничего в мире не меняется, конюхи у барских дочек всегда были в большом почёте.

Шатун прямо встретил взгляд охранника, не проявляя агрессии. «Забирай свою милую, я тут тебе не конкурент». Охранник, похоже, понял его без слов и слегка оттаял. Он попытался отвести свою подопечную от Макса, но та, обиженная за свой испуг, заупрямилась. Когда рука телохранителя мимолётно легла на талию девчушки, Макс понял, что не ошибся в своих предположениях.

Назревал скандал, и Шатун обрадовался, когда дверь гримёрки открылась, и Михайлов показался в проёме. У него губы накрашены! О чёрт! Шатун едва не сплюнул себе под ноги. Тем не менее, нужно было возвращаться к своим обязанностям.

– Простите, дамы, – с улыбкой бросил он девочкам и ужом вывернулся из живого кольца, спеша к своему подопечному.

– Джарвис! – взвизгнул кто-то за его спиной.

Замелькали фотовспышки, Михайлов расплылся в белозубой улыбке, глаза его замаслились, но Шатун не дал ему искупаться в лучах славы. Он прикрыл деятеля культуры собой и жестом указал на вход в концертный зал:

– Иван Валентинович, прошу, быстрее.

Улыбка мгновенно слетела с холёного лица.

– Я Джарвис! Джарвис, понял?! – прошипел парень, но подчинился.

Девочки ощутимо начали напирать, и сейчас Шатун был благодарен за то, что он здесь не единственный телохранитель. Те тоже пытались оградить своих подопечных от толпы, чем невольно сдерживали её напор и на Шатуна.

Макс шёл чуть впереди, разрезая людское море, сканируя взглядом толпу. Он не подпускал к подопечному ни фотографов, ни поклонников, ни даже организаторов мероприятия. Каждый, кто пытался приблизиться к Михайлову, натывался на твёрдый взгляд и категоричное:

– Извините, сейчас не время.

Один из фотографов, молодой парень с камерой на шее, попытался обойти Макса сбоку. Тот мгновенно развернулся, уверенно перехватил его за локоть и тихо, но твёрдо произнёс:

– Ещё шаг – и я сломаю тебе камеру. Без шуток.

Фотограф сблелнул с лица и отступил. Шатун проводил его взглядом, затем снова сосредоточился на Михайлове. Тот уже приблизился к лесенке на сцену, но Макс всё равно шёл рядом, чуть впереди, закрывая его собой от толпы.

В зале с их появлением стало ещё более шумно: гости переговаривались, указывали на сцену пальцами, поднимали телефоны. Макс выбрал позицию у колонны, откуда просматривался весь зал и оба выхода.

А Иван Валентинович уже начал работу. Он раскинул руки, будто хотел обнять весь зал, и улыбался так искренне, что, Шатун был уверен, каждая в зале думала, что улыбается он ей одной.

Грохнула музыка, и Шатун едва не сгруппировался. Резких звуков он не любил. Только усилием воли он заставил себя сохранить гордую позу. Скрючиться при всех этих людях было бы слишком унижительно. Блеск диско-шара под потолком доводил его до белого каления – вспышки в темноте никогда не бывали к добру.

Шатуну в этом зале не нравилось. Тело невольно напрягалось, кулаки сжимались, и он почувствовал влагу на ладонях. Дыхание стало глубже, будто его тело готовилось бежать. Темнота снижала обзор, предметы теряли чёткость, и это только увеличивало градус его тревоги. Не к месту, но придётся потерпеть.

Через пятнадцать минут Макс даже немного смягчился по отношению к своему подопечному: да, у пацана не было особого голоса, и тексты его не отличались особой поэтической ценностью, но по сцене он прыгал зажигательно. Отработал свои бабки на все сто. Да и музыка ничего, если не заострять внимание.

Тем не менее, басы всё время держали Шатуна в напряжении. Ему то мерещился звук лопасти вертушки, то топот ног в тяжёлых сапогах. Он любил тяжёлую музыку до первой командировки. Потом охладел, твёрдо и навсегда.

Зал то и дело взрывался овациями, гости плясали между столиками, где-то звякнула разбитая тарелка. Макс не расслаблялся. Его взгляд скользил по залу, отмечая каждый подозрительный жест, каждый слишком долгий взгляд в сторону подопечного.

Когда спустя час Михайлов выдохся и перешёл к поздравлениям именинницы, Шатун поднялся с ней на сцену. Именинница и сам музыкант смерили его уничижительными взглядами, но ничего не сказали.

После выступления Иван решил пройтись по залу, пообщаться с гостями. Макс следовал за ним, не позволяя никому подойти слишком близко. Он перехватывал руки, протянутые для рукопожатия, мягко, но непреклонно. Один из гостей, изрядно выпивший бизнесмен, возмутился:

– Да что ты о себе возомнил?! Мы ему заплатили!

Рука Макса помимо его воли легла на кобуру характерным жестом. Он не хотел угрожать, не делал этого напоказ, и никто из гостей этого не увидел. Но Шатун вполне отчётливо увидел, как напряглись охранники, и как к нему начал пробираться один из них. Не обращая внимания Шатун посмотрел бизнесмену в глаза и тихо сказал:

– Если Вы заплатили, то не будете мешать ему работать. Отойдите.

Бизнесмен побагровел, но отступил.

– Тебе это не сойдёт с рук, шенок, – процедил он.

Макс себя по сравнению с этим воротилой щенком не чувствовал. Как же странно «За ленточкой» такой пузан был бы ему на один зуб, а здесь вот ещё и покрикивает. И, скорее всего, есть, чем аргументировать. Шатуну этого было не понять.

К концу вечера Макс чувствовал себя выжатым от всех этих девичьих визгов, от блеска брюликов, от громкой музыки. Его дважды, дважды, блин, ущипнули за задницу! Он провёл Михайлова до машины, убедился, что тот сел внутрь, и только тогда позволил себе выдохнуть. Но расслабляться было рано – до дома подопечного ещё нужно было доехать.

По дороге Макс молчал, глядя в окно. Когда они добрались до дома актёра, Шатун дождался, пока подопечный войдёт внутрь, и только потом сел в свою машину. Наконец-то этот несчастный день закончился! Осталось только доложить командиру. Он достал телефон и набрал Витязя.

– Ну что, герой, как день прошёл? – с усмешкой спросил Витязь после первого же гудка.

– Я закончил, – коротко сказал он.

– И как всё прошло? – голос Витязя звучал устало.

– Скучно, – честно ответил Максим.

– Пожаловались на тебя, – нехотя сказал Витязь после короткой паузы.

Шатун скривился и сдал свободной рукой руль.

– Он даже до квартиры ещё подняться не успел! – зло выплюнул он.

– А это и не клиент, – признался Витязь.

– А кто тогда? – опешил Шатун.

– Папа именинницы. Натравил на нас своих амбалов. Недавно только ушли.

– Что?! – Шатун ударил по тормозам и под возмущённые вопли клаксонов юзом остановился. – Я сейчас приеду!

– Да забей, – недовольно протянул Витязь. – Мы поговорили, объяснили ребятам, что трясти перед нами телесами не надо. Шаман ещё так удачно миловался со своей СВДшкой. Он умеет, ты знаешь.

Витязь хмыкнул. Голос его был спокоен, и Шатун немного расслабился. Мышцы его ещё подрагивали от напряжения, но адреналин уже начал падать.

– Слушай, брат, не думал, что до такого дойдёт, – повинулся он.

– Да я понимаю, – примирительно сказал Витязь. – Просто ты помягче там что ли Такие товарищи не привыкли, чтобы им на дверь указывали.

– Он поддал, мог быть опасен, – буркнул Шатун.

– Ты же не президента охраняешь, – мягко, но непреклонно ответил Витязь. – Ты пугаешь людей, создаёшь напряжение. У нас нет задачи распугать клиентов, понимаешь? Это нам не помогает.

– Лучше распугать лишних, чем потом собирать по частям то, что осталось от клиента, – упрямо возразил Шатун.

Он знал, что Костя прав, но не мог заставить себя расслабиться. Как и уступить.

– Ты реально допускаешь, что этого Джарвиса могли расстрелять на дне рождения какой-то фифы?

– Это моя работа! – резко ответил Максим.

Повисла пауза.

– И ты выполнил её хорошо, – примирительно сказал Витязь. – Я уже развернул тех молодчиков. Не думаю, что у нас будут проблемы. Ты просто не жести там, ладно? Как я могу тебе задания давать?

– А ты не жестил? – огрызнулся Шатун. – Засел тогда в избушке, как в ДЗОТе со стволами наперевес!

К концу фразы Шатун уже пожалел, что сказал это. Бить в самое больное, в историю командира и Саши, не стоило. Сам Шатун бы такого не стерпел. Он слышал, как Витязь на том конце тяжело вздохнул, и открыл было рот, чтобы извиниться, но Витязь его опередил.

– Жестил, – глухо согласился он.

Снова повисла тяжёлая тишина. По лобовому стеклу забарабанило. Дождь.

– Виноват – глухо пробормотал Шатун наконец. Не мог не сказать этого.

– У всех у нас башка набекрень, – тихо сказал Витязь, когда пауза слишком затянулась.

– Это точно, – согласился Шатун.

– Постарайся не тащить это всё на гражданку, – неуверенно сказал Витязь.

– А у тебя получается?

– Ни хрена – честно ответил командир.

Шатун впервые за день искренне улыбнулся и неожиданно для самого себя спросил:

– И как Саша тебя такого терпит?

– Да чёрт его знает, – чуть веселее отозвался Витязь. – Мы все немного с прибабахом.

Просто у каждого он свой.

– Но всё-таки с ножом под подушкой спят не все – обронил Шатун.

– Не все, – согласился Витязь.

Макс, откинувшись в кресле, смотрел, как водяная пыль на стекле собирается в капли и стекает вниз извилистыми ручейками.

– Странно мне здесь, – едва слышно признался он. – Чувствую себя, как курок от Калаша на детской пукалке Просто иногда кажется, что вотвот что-то случится. И если я не буду насто-роже, то Все люди вокруг, ходят, будто ничего не было

– А у них и не было, – подхватил Витязь.

Шатун надолго замолчал.

– Сходи к мозгоправу, если совсем прижмёт, – тихо сказал Витязь. – На тебе лица нет.

– Предлагаешь мне рыдать на кушетке, рассказывая о трудностях детства? – снова завёлся Шатун.

– Предлагаю не вваливать в одиночку, – озлился Витязь. – Ты не один, понял?!

Командир сказал это грубо, но Шатуну почему-то именно от этого тона стало легче.

– Так точно, – ответил он почти спокойно.

– И ещё

– Чего?

– Чего не хохмишь? – спросил Витязь.

– А мне и не весело, – со злой улыбкой ответил Шатун.

– Бабу что ли найди себе, – недовольно буркнул командир.

Шатун фыркнул.

– Да меня сегодня уже чуть не щигидым-щигидым. За жопу лапали! – наябедничал Шатун. – А ещё цвет отечественной молодёжи.

– Ой, натерпелся, наверное, бедный, – поддел его Витязь. – Так, всё. Джарвис кончился. В следующий раз подкину даму. Они любят, когда грудь колесом, шашка наголо, и вот это всё. Но ты тоже там не это Там вам не здесь, понял?

– Так точно, – со вздохом ответил Шатун.

Макс положил трубку и посмотрел в зеркало заднего вида. В отражении он увидел свои уставшие глаза. Он знал, что Костя прав, что он здорово перегибает палку, но как заставить себя перестать видеть угрозу в каждом движении, в каждом взгляде? Как перестать ждать, что вот-вот раздастся выстрел или взрыв?

Он завёл машину и поехал домой. В голове крутились воспоминания: резкие крики, боль, звуки взрывов Такие громкие по сравнению с Московским дождём. Он потряхнул головой, пыта-

ясь отогнать эти образы. Но они не уходили. Они стали частью его, как шрамы на теле. Их не смыть ни водой, ни временем.

Макс понимал, что должен научиться жить с этим. Мир больше не пытался его убить. Вроде бы. Он свернул на свою улицу, припарковался у дома, выключил двигатель и остался сидеть, глядя перед собой. Где-то вдалеке слышался смех детей, кто-то скакал через лужи, проезжали машины, шумел город. Обычный мир. Мир, в котором не стреляют.

Хоть бы следующий клиент был не таким, как этот Джарвис. Шатуну было стыдно, но ему очень хотелось, чтобы на подопечного хоть кто-нибудь напал. По-настоящему. Чтобы Чтобы Чтобы хоть что-нибудь!

Вокруг тишина, спокойствие. А Макс чувствовал себя на пределе. В шаге от чёрт знает чего.

Глава 7. Слежка

Вечер был нервным. Из офиса Марго откровенно сбежала, как только пикнуло шесть вечера. Работа не шла, она не могла сосредоточиться на задачах и уже к середине дня поймала себя на том, что бесцельно переключается между окнами, не делая ничего полезного.

Дорогу домой она не запомнила, хаотичные мысли совершенно заняли её. Дома она бездумно посидела над тарелкой с ужином, который подогрела себе автоматически, а потом так же бездумно включила телевизор. Мыслями она была очень далеко.

Одно она знала точно – промолчать не сможет. Не сможет, и всё тут. Не этому её учил папа! Он бы не простил ей трусости, не могла она поступить нечестно.

Но и за глупость он бы по головке её не погладил, и все её думы сводились о том, как поступить и как обезопасить саму себя. Путного в голову ничего не приходило. Как ни странно, принятое решение информацию всё-таки кому-нибудь открыть даже помогло. Марго перестала метаться меж двух огней и теперь просто размышляла, каким образом реализовать задуманное – добиться наказания преступников и не пострадать в процессе разборок.

Экран телевизора мерцал в полумраке спальни, отбрасывая на стены синие, нервные тени. Шелестел мягкий летний дождь за окном, и этот привычный, убаюкивающий звук сейчас казался ей зловещим, будто кто-то невидимый скребся в стекло.

На экране Кевин Костнер, воплощение спокойной, уверенной мужественности, шагал по пыльной дороге, и Уитни Хьюстон пела о том, что у неё «nothing in common». Марго сидела на кровати, поджав под себя ноги, и смотрела на это с горькой усмешкой.

«Телохранитель». Какая ирония. Ей бы точно не помешал один

Она выключила фильм на середине, не в силах больше выносить этот контраст между киношной романтикой и липкой, холодной тревогой и одиночеством собственной реальности. В кино всё было просто: есть угроза, есть герой-спаситель, есть любовь. В её же жизни всё перемешалось и сплелось в один клубок. Вот бы прыгнуть такому телохранителю на ручки, чтобы он вынес из-под пуль Эх. Не тому учёна была Марго, но помечтать было приятно.

Она встала, чтобы налить себе ещё чаю – уже третью чашку за вечер, хотя кофеин и без того заставлял сердце колотиться где-то в горле. Проходя мимо окна, она машинально отёрнула тюль и выглянула во двор.

Фонарь у подъезда моргал, как в фильмах ужасов, то выхватывая из темноты, то погружая в неё ещё глубже мокрый асфальт и ветви клёна. И в этом неверном свете она увидела машину. Она стояла у дальнего края детской площадки, там, где обычно парковались только местные жители. Тёмный, приземистый седан с тонированными стёклами. Не новая, но и не рухлядь. Она казалась инородным телом в этом дворе.

Марго замерла. Все её внутренности напряглись. Это что, слежка? Машина, как нарочно, стояла поперёк разметки, так, чтобы лобовым стеклом точно смотреть на её окна.

«Спокойно», – приказала она себе, пытаясь унять дрожь в руках. «Это может быть кто угодно. Сосед приехал поздно. Курьер ждёт заказ. Просто совпадение. Да и вообще, ты живёшь здесь всего ничего. Может, кто-то вернулся из отпуска».

Но разум отказывался верить этим вполне логичным оправданиям. Память услужливо подбросила вчерашний разговор с Владимиром Петровичем и его холодный, липкий взгляд. Надпочечники, раздраженные напряжением, выбрасывали всё новые и новые порции адреналина в кровь. Она точно доведёт себя до сумасшествия, если продолжит в том же духе.

Всю ночь Марго проворочалась без сна. Каждый скрип, каждый шорох за окном заставляли её вздрагивать и замирать, прислушиваясь. Ей чудились шаги на лестнице, тихий скрежет ключа в замке.

Утром она выглядела так, будто не спала неделю: бледная, с тёмными кругами под глазами и нервно поджатыми губами. На работу она вышла через силу, постоянно оглядываясь на двери соседей, будто из них мог кто-то выпрыгнуть. Огороженный забором двор казался ловушкой.

В толпе в метро Марго почувствовала себя чуть более спокойно. Ведь никто не набросится на неё прямо посреди оживлённой станции, правильно? Ей определённо нужно побольше бывать в толпе, не оставаться одной. Мельтешение народа немного помогло отринуть страхи, и ей самую малость полегчало к тому моменту, когда она подходила к офису.

Но с этим определённо надо было что-то делать. Если она будет так себя изводить, то проснётся в мягкой комнате не позднее, чем через неделю. В конце концов, никто не застукал её за подслушиванием, никто, вроде бы, напрямую не говорил с ней о том разговоре, а значит, они тоже не знают, правда она в курсе или нет. И до сих пор Марго никому не вставляла палок в колёса. С чего бы кому-то напускать на неё злых дядек в машинах?

Она очень логично и аргументированно убеждала себя в собственной безопасности всю дорогу, и ей почти удалось привести свой пульс в норму. Пока она не вошла в свой «аквариум». Её компьютер встретил её включённым.

Это была мелочь, деталь, которую обычный человек мог бы и не заметить. Но Марго была не случайным посетителем, а единственной хозяйкой этого кабинета. И она всегда, всегда выключала рабочую станцию перед уходом. Это было её правилом, чтобы ни один шепуток продавец или проджект не мог позвонить ей вечером и попросить «подключиться на секундочку», на что часто жаловались её коллеги и подчинённые.

Она абсолютно точно выключила компьютер, а теперь экран приветливо мигал заставкой операционной системы.

Марго почувствовала, как по спине её пробежал противный холодок. Весь её аутотренинг, все аргументы полетели прахом, дрожь в пальцах, которую ей едва удалось унять, снова вернулась, в висках застучало. Кто-то был здесь. Кто-то был внутри её системы, они точно смогли войти в учётную запись, поскольку система не была заблокирована.

Иногда её подчинённые могли входить в систему с чужих устройств под своим логином и паролем, но в строке «имя пользователя» значилось «Nesterova.M». К тому же, чтобы кто-то осмелился без спроса приблизиться к её «аквариуму» и компу в её отсутствие? Абсолютно исключено. Все знают, что Марго и за попу угрызть за такое может.

Они не просто подозревали её – они залезли в её личное пространство, в её работу. Просматривали почту? Рылись в файлах? Что? И кто дал команду?

Дрожащими пальцами Марго ввела пароль. Всё было на месте... или наверное всё. Файлы лежали как обычно, но интуиция включила почти слышимую сирену, и Марго больше не могла мыслить здраво. Движения её стали несколько беспорядочными.

Она открыла историю браузера – пусто. Очистили перед уходом? Или вообще не притрагивались к нему? Письма в почте не пропали. Файлы, вроде, тоже. Ей точно не мерещится? Нет, не мерещится. Включенный по питанию комп она бы ещё стерпела, но вот странные разговоры, намёки Так много совпадений? Маловероятно.

Радует одно: если полезли с пользовательской стороны, то айтишники, скорее всего, не в деле, иначе просмотрели бы всё удалённо, без таких сложностей. А впрочем, долго ли попросить их предоставить любую информацию с её компьютера? Чем более высокое руководство даст команду, тем меньше вопросов они будут задавать.

Понятно, товарищи. Спасибо за предупреждение. За почтой теперь надо следить очень внимательно. Никуда ничего никому не пересылать. Входящее письмо упало в почту с тихим «чпок», и Марго подпрыгнула едва не до потолка. Любой звук теперь заставлял её тело дёргаться.

Отправитель: «Владимир Петрович Зуев». Тема: «Срочно: Одобрение транша 1».

Марго кликнула по письму, уже зная, что там увидит.

«Уважаемая Маргарита Николаевна, прошу Вас сегодня до 14:00 согласовать первый транш по проекту Восточный вектор. Документы прилагаются. Убедительная просьба провести операцию без задержек и сократить проверки во избежание срыва сроков реализации».

Просьба? Скорее приказ. Тон был ледяным и не терпящим возражений.

Её пальцы забегали по клавиатуре быстрее мысли. Она открыла приложенные таблицы. Счета-фактуры... договоры... Всё выглядело легально, безупречно чисто для непрофессионального взгляда. Но Марго видела то, что было скрыто от других. Она видела названия фирм-пустышек, странные маршруты платежей через Люксембург и Панаму – те самые маршруты, о которых говорили голоса из забытого телефона. И документы в письме защищены от скачивания А это уже и вовсе нонсенс.

Итак, всё услышанное – правда. Всё от первого до последнего слова. Её компания что-то мутит, и они никак не смогут обойти её, поэтому за уши тянут в эту историю.

Они не просто просили её одобрить сделку. Они требовали её соучастия.

Её затрясло. Это была ловушка. Элегантная, профессиональная западня. Если она подпишет – вляпается так, что не отмоется. Если откажется... Насколько далеко они готовы будут зайти? Почему-то ей не хотелось это выяснять.

Секунду Марго смотрела на экран, а потом, будто прыгая в холодную воду, дрожащими руками взяла свой телефон и быстро сделала несколько фотографий экрана, открывая то один файл, то другой, потом она отправила файлы на личную почту, пароль которой не был сохранён в рабочем браузере, и удалила файлы с телефона. И из автосохранений – тоже.

Нервы её не выдерживали напряжения, ей нужен был воздух. Закурит что ли? Она вскочила из-за стола так резко, что кресло на колёсиках с грохотом врезалось в стеклянную стену её «аквариума». Коллеги в опен-спейсе подняли головы.

– Всё в порядке? – крикнул кто-то.

Марго подняла большой палец и натянуто улыбнулась. Подышать, ей нужно подышать. Итак, отсчёт пошёл. Времени у неё до двух часов. А впрочем, что думать? У неё нет выхода, ей придётся подписать эти бумаги, иначе она выдаст себя с головой.

К моменту, как Марго осознала неизбежность своего следующего шага, она уже успела пробежать через зимний сад и выскочить на улицу. И к своему неудовольствию увидела на пяточке для курения Андрея. Тот мгновенно заметил её и приветливо, хотя и чуть дёргано, замахал ей рукой.

– Привет!

Делать было нечего, она подошла к нему, недовольно косясь на небо, с которого падала водяная пыль, которая ещё не могла назваться настоящим дождём, но уже противно запутывалась в волосах, превращая их в неопрятную копну.

– Привет, – буркнула Марго.

На фоне переживаний о Владимире Петровиче и всём отделе безопасников она как-то запамятовала, что ещё вчера думала, не заподозрить ли и Андрея в соучастии в этой истории.

– Ты чего тут? Ты же не куришь, – весело спросил Андрей, смачно затягиваясь.

Из уважения он выдохнул дым уголком рта, стараясь не попасть в лицо Марго.

– Да подышать просто. Самочувствую сегодня что-то, – проворчала Марго. – Бури, может, магнитные?

– А чего, голова болит?

– Угу.

– Может, домой пойдёшь? – участливо спросил Андрей. – Бумажки только по «Вектору» подмахни, а то тебя в покое не оставят.

Марго с ненавистью посмотрела в честные, широко распахнутые глаза Андрея. Вот кой чёрт его дёрнул снова напомнить ей об этом проекте? Помешались они на нём что ли?

– Я подумаю, – недовольно ответила она и снова покосилась вверх.

Глаза Андрея начали округляться, и Марго торопливо добавила:

– Насчёт того, чтобы домой пойти.

Андрей заметно расслабился. На душе было мутно. Андрей выбросил сигарету и предложил:

– Давай провожу тебя.

Он увязался за ней, норовя подхватить под локоток, а Марго впервые с момента их знакомства испытала к нему настоящее отвращение. И ей было совестно, ведь она не могла точно сказать, подвязан Андрей или просто пытается выполнить свою работу.

Проводив её на рабочее место, Андрей не ушёл. Он плюхнулся на стул напротив Марго и оперся локтями на её стол.

– Ну что? Толкнёшь проект? А то мне начальство уже плешь проело

Марго чуть не закричала на него, но сдержалась. Ей так и так придётся это сделать, а раздражение будет выглядеть странно. Она вздохнула и зашла в базу.

– Толкаю, толкаю – сказала она обречённо и нажала заветную кнопку.

– Всё? Спасибо! – крикнул Андрей и подорвался, будто собрался бежать спринт.

Наконец-то она осталась одна. Голова от напряжения и правда разболелась, и Марго полезла в сумочку, чтобы с болезненным стоном обнаружить, что маленький пенал с набором экстренных таблеток, вроде обезболивающего и спазмолитика, она благополучно оставила в рюкзаке, с которым ходила в зал. Чёрт!

Просить таблетки у коллег не хотелось, а вот прогуляться в одиночестве – очень. Хотя бы никакой Андрей не сел на хвост! Она подхватила сумочку и направилась к выходу.

– Я отлучусь ненадолго, – бросила она заму, и тот кивнул, не отрываясь от телефона.

Марго вышла из здания и начала обходить его против часовой стрелки – в одном из крыльев бизнес-центра была аптека. На третьем шаге она споткнулась. Потому, что прямо рядом с главным входом стоял тот же самый седан, что она видела в своём дворе.

Это стало совсем похоже на паранойю. Ну сколько неприметных серых седанов в Москве? Тысячи Сотни тысяч! С чего она взяла, что это именно та машина? Но сердце её мгновенно подпрыгнуло в горло и стало её душить. Пальцы её судорожно сжались на сумочке, она усилием воли заставила себя шагнуть в сторону аптеки.

Если бы не её расстроенные нервы, она бы даже не обратила внимания на эту машину, но тревога сделала её слишком подозрительной. Если сегодня похожая машина окажется в её дворе, то она не знала, что. Но что-нибудь точно!

Остаток дня прошёл, как в тумане. Обезболивающее она купила, но забросила в сумочку и тут же забыла. Марго совершенно ни о чём не могла думать, выполняла все действия автоматически. Хвала всем богам, её телефон милосердно молчал почти весь день. Она могла думать только о том, как ей добраться домой.

Как только стукнуло шесть вечера, Марго встала со своего рабочего места. Остаться здесь она была просто не в силах. Поминутно кивая коллегам, она чересчур быстро вышла из здания и направилась к метро.

Из стоявшей на том же месте машины вышел мужчина в футболке и джинсах и будто бы празднично пошёл в сторону метро, присоединяясь к потоку людей, бредущих от бизнес-центра к остановкам.

Кто в ненастье выйдет из машины, чтобы пойти в метро? Никто. Если бы не заправка в двадцати метрах, Марго бы ещё могла попытаться себя убедить, что у него внезапно кончился бензин, а так

Тревога Марго переросла в панику. За ней в жизни никогда не следили, никто никогда ей не угрожал, и она совершенно растерялась. Что в таких ситуациях делают люди? Звонят в полицию – пришла ей здравая мысль.

В полицию они звонят, если у тех, кто им угрожает, там нет друзей, а она ни в чём не уверена.

Что тогда? Позвонила бы парню, если бы он у неё был. Родителей нет, друзей тоже, коллегам нельзя. Пат

Когда она спускалась по лестнице, в голове у неё зазвучал голос Уитни Хьюстон, и на ум пришёл образ Кевина Костнера. Ей бы телохранителя. Марго даже фыркнула от этой мысли. А потом в отражении стеклянной двери увидела того самого человека. Он был так близко к ней, что непременно должен был намеренно ускорять шаг, чт

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.